

**Тамперский университет
Институт современных языков и переводоведения
Кафедра русского перевода**

Катри Коппонен

**Перевод старославянизмов на
финский язык**

(на примере произведений Ф.М. Достоевского)

Дипломная работа на соискание
ученой степени магистра философии

Научный руководитель: проф. Ханну Томмола

Тампере 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	2
Предмет исследования	2
Задачи и методика исследования	3
Материал исследования и структура работы.....	4
1. АДЕКВАТНЫЙ ПЕРЕВОД И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ НОРМЫ.....	6
1.1. Эквиваленты.....	9
1.2. Вариантные соответствия (аналоги).....	10
1.3. Переводческие трансформации (адекватные замены).....	11
1.3.1. Перестановки	11
1.3.2. Замены	12
1.3.3. Добавления	15
1.3.4. Опускания.....	16
1.4. Стил ь.....	16
1.4.1. Стилистические эквиваленты	17
1.4.2. Стилистические изменения в переводе.....	18
2. ПРОБЛЕМА ПОИСКА ПЕРЕВОДНЫХ СООТВЕТСТВИЙ ДЛЯ СТАРОСЛАВЯНИЗМОВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТОВ С РУССКОГО НА ФИНСКИЙ....	20
2.1. Старославянизмы.....	20
2.2. Место старославянизмов в русской лексике.....	21
2.3. Анализ перевода старославянизмов на финский язык.....	21
2.3.1. Воля	22
2.3.2. Гнев.....	29
2.3.3. Господь (Господи).....	31

2.3.4. Образ.....	36
2.3.5. Воистину	39
2.3.6. Истина	43
2.3.7. Буди, буди	45
2.3.8. Есмь	47
2.3.9. Изрекать	49
2.3.10. Инок.....	52
2.3.11. Старец.....	55
2.3.12. Тварь.....	61

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	65
------------------	----

LÜHENNELMÄVIRHE. KIRJANMERKKIÄ EI OLE MÄÄRITETTY.

ИСПОЛЬЗУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА.....	78
------------------------------	----

ПРИЛОЖЕНИЯ.....	80
-----------------	----

1. Абсолютная и относительная частота старославянизмов	80
1.1. Сортировка по убывающей частоте в «Преступлении и наказании»	81
1.2. Сортировка по убывающей частоте в «Братьях Карамазовых»	81
1.3. Сортировка по убывающей частоте в «Записках из подполья»	82
2. Наиболее частотные старославянизмы с учетом всех трех произведений Достоевского	83

TAMPEREEN YLIOPISTO
Kieli- ja käännöstieteiden laitos
Käännöstiede (venäjä)

KOPPONEN, KATRI: Перевод старославянизмов на финский язык (на примере произведений Ф. М. Достоевского)
Perevod staroslavjanizmov na finskij jazyk (na primere proizvedenij F. M. Dostojevskogo)
Muinaiskirkkoslaavilaisen sanaston suomentaminen (Dostojevskin tuotannossa)
Pro gradu –tutkielma, 67 s., 11 s. (suomenkielinen lyhennelmä), 5 liites.

В настоящей дипломной работе исследуются теоретические и практические аспекты перевода старославянизмов на финский язык. В исследовании применяется теория Рецкера о закономерных соответствиях при переводе на родной язык и концепция стилистических сдвигов, разработанная Поповичем.

Для проведения анализа были использованы три произведения Ф. М. Достоевского и их переводы на финский язык. Из русских текстов были отобраны двенадцать старославянизмов, имеющих отношение к религии, которые можно разделить по стилистическим признакам на три категории 1. стилистически нейтральные старославянизмы, прочно вошедшие в русский язык; 2. старославянизмы высокого стиля, относящиеся к разным лексическим слоям письменной речи 3. архаичная лексика и устаревшие слова, которые употребляются для придания тексту оттенка архаичности.

В теоретической части работы обсуждаются вопросы адекватности перевода и стиля. В практической части работы подробно анализируется 74 примера. Анализ проводится по восьми параметрам: функция слова, регистр слова, эмоциональная окраска слова, стилистическая характеристика слова, перевод слова в словаре, перевод переводчика, прием перевода (закономерные соответствия) и стилистические сдвиги.

Исследование показало, что перевод даже такой специфической лексики, как старославянизмы – задача решаемая, поскольку у переводчика есть возможность компенсировать неполные соответствия в более широком контексте.

Дескрипторы: перевод, старославянизм, адекватность, Достоевский; kääntäminen, suomennos, muinaiskirkkoslaavilainen sanasto, adekvattisuus, Dostojevskij.

Введение

Предмет исследования

В 1999 году на кафедре перевода русского языка Тамперского университета была начата работа по созданию параллельного корпуса русских художественных текстов и их переводов «ПарРус», составлением которого занимались как преподаватели так и студенты. В настоящее время корпус насчитывает 128 произведений русской художественной литературы и 137 текстов на финском языке, являющихся переводами последних. Объем русского субкорпуса составляет около 2 270 000 словоупотреблений, объем финского субкорпуса содержит около 2 240 000 словоупотреблений (Михайлов 2003: 39, 59-60.)

Создание корпуса «ПарРус» открыло новые возможности для изучения и проведения анализа художественных текстов и их переводов. Михайлов, главный создатель корпуса, пишет о том, что используя данные корпуса текстов, можно уточнять существующие двуязычные словари (Михайлов 2003: 215). В настоящей дипломной работе данные корпуса используются для проведения сопоставительного анализа переводных соответствий русских старославянизмов на финский язык на примере трех романов Ф. М. Достоевского («Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы») и их переводов.

Интерес к творчеству Достоевского и к употребляемому им языку — явление не новое. Еще великий русский литературовед М. Бахтин (1979) в своих научных трудах говорил о том, что изучение проблем поэтики Достоевского является важной задачей литературоведения. В данном исследовании подход к изучению настоящей проблемы будет переводоведческим. Изучение языка Достоевского – актуальная задача и в наши дни. Примером этому могут послужить научные исследования многих лингвистов и такие научные труды как «Слово Достоевского» (Москва, 2000) и «Словарь языка Достоевского» (Москва, 2001.)

Достоевский – писатель-идеолог, и во всех его произведениях, написанных после каторги, затрагиваются вопросы о Боге, о религии. П. Струве называет Достоевского «громким религиозным явлением», учителем и отцом веры в лице великого русского писателя (Касаткина 1999: 655 < П. Струве. Пророк русского духовного возрождения.)

Бахтин (1979: 17) говорит о том, что Достоевский стремится к созданию из разнородных, разноценных и глубоко чуждых материалов единое и условное художественное создание. Поэтому такие Библийские книги, как книга Йова, Откровение св. Иоанна, Евангелие и др. питают страницы его романов, одновременно считаясь с газетой, анекдотом, народной уличной сценой, гротеском или даже памфлетом. (Бахтин 1979: 291.) При этом не следует забывать о том, что Достоевский находился в течение четырех лет на каторге и в это время читал только Евангелие, так как это была единственная разрешенная там книга. (Касаткина 1999: 573-574.)

Задачи и методика исследования

Задачей исследования является выявление средств, используемых переводчиками для перевода старославянизмов на финский язык. Для достижения этой цели проведен анализ двенадцати старославянизмов, имеющих отношение к религии. По стилистическим признакам старославянизмы можно разделить на три категории: 1. стилистически нейтральные старославянизмы, прочно вошедшие в русский язык (*воля, гнев, Господь, образ*); 2. старославянизмы высокого стиля, относящиеся к разным лексическим слоям письменной речи (*воистину, истина, старец¹*); 3. архаичная лексика и устаревшие слова, (*буди, буди; изрекать, инок, старец², тварь*). Сопоставительный анализ слов проводится с использованием параллельных текстов. Для определения средств перевода применяется теория Рецкера (1974) о закономерных соответствиях при переводе на родной язык, а при стилистическом анализе, — концепция стилистических сдвигов, разработанная Поповичем (1980). В процессе анализа указываются: 1. функция слова; 2. регистр слова; 3. эмоциональная окраска слова; 4. стилистическая характеристика слова; 5. перевод слова в словаре. 6. вариант перевода, предлагаемый переводчиком; 7. прием перевода; 8. стилистические сдвиги. Наиболее важными факторами при анализе перевода являются прием, использованный переводчиком, выдерживание стилистических норм и адекватность перевода по отношению к оригиналу. В конце анализа каждого старославянизма делаются замечания и выводы относительно варианта переводчика.

¹ *Пожилый и уважаемый человек. (БТС)*

² *Пожилый монах, отшельник (духовный наставник и руководитель верующих или других монахов). (БТС)*

Материал исследования и структура работы

Материалом данного исследования является корпус следующих произведений Достоевского: 1. «Записки из подполья» (1864) и его переводы на финский язык, выполненные В. Каллама (1959) и Э. Адрианом (1973); 2. «Преступление и наказание» (1866) и его перевод, выполненный Ю. Конкка (1970); 3. «Братья Карамазовы» (1880) и его перевод Л. Пюукке (1976).

Самое короткое из анализируемых произведений — «Записки из подполья». Его объем — 34 939 словоупотреблений (далее — с/у), объемы двух финских переводов: 31 388 с/у (Адриан) и 32 675 с/у (Каллама). Роман «Преступление и наказание» насчитывает 169 566 с/у, перевод Юхани Конкка — 163 430 с/у. Последний и самый большой по объему роман «Братья Карамазовы» насчитывает 293 470 с/у, а его перевод, выполненный Леа Пюукке – 280 215 с/у.

Произведения не совпадают по объему, поэтому руководствуясь данными по частотности, нельзя утверждать, что, скажем, в романе «Братья Карамазовы» Достоевский употребляет больше старославянизмов, чем в романе «Записки из подполья». Сравнение стало бы возможным, если бы тексты были равны по количеству с/у или сравнение проводилось бы между Достоевским и одним из писателей 19-го века. Несмотря на это, следует отметить, что некоторые слова обладают высокой частотностью. Например, слово *старец* употребляется в «Братьях Карамазовых» 306 раз, а слово *Господь* встречается в том же самом произведении 137 раз. Абсолютная частота мало о чем говорит, так как тексты разные по объему, поэтому в данном случае относительная частота является более объективной мерой (хотя и относительная частота не является показательной для низкочастотных слов — слишком велик в этом случае элемент случайности).

Для получения списка старославянизмов использован упомянутый выше корпус текстов произведений Достоевского. Для справок использовались «Полный церковно-славянский словарь» (1899) и учебник «Современный русский язык» под редакцией Д.Э. Розенталя (1976).

Полученные в процессе анализа данные проверяются с использованием «Большого толкового словаря» (далее – БТС 2002), финско-русского (SVS 2001) и русско-финского (VSS 2000) словарей, финско-русского и русско-финского словаря религиозной лексики (СРЛ 1999), а также словарей современного финского языка: «Nykysuomen sanakirja» (NS 1957) и «Suomen kielen perussanakirja» (PS 1990). В некоторых случаях мы обращались за консультацией в справочную службу русского языка (www.gramota.ru).

Дипломная работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений. В **первой главе** обсуждается понятие «адекватности» перевода. В данном разделе сравниваются точки зрения разных переводоведов: А. Федоров, А. Смирнов, Г. Гачечиладзе, В. С.

Виноградов. Особое внимание уделено теории Я. Рецкера о закономерных соответствиях (эквивалентах, вариантных соответствиях и переводческих трансформациях) при переводе на родной язык. Данная теория в свое время открыла новые возможности для достижения адекватности перевода, так как включает в себя приемы, способствующие полноценной передаче оригинала. Здесь же затрагивается тема «перевод и стиль», так как стиль – это одно из ключевых понятий при анализе перевода, который в данном случае проводится на уровне слова. По этим причинам в нашем исследовании значительное внимание будет уделено микростилистике и концепции стилистических сдвигов, предложенных Поповичем. **Во второй главе** делается небольшой экскурс о старославянизмах, что важно для объяснения этих понятий и для определения их места в русской лексике. В этой же главе проводится анализ примеров из трех произведений Достоевского, в которых встречаются интересующие нас старославянизмы. **В заключении** подводятся итоги исследования и делаются выводы. В приложении представлены частотные данные.

Исходная гипотеза настоящего исследования заключается в том, что поскольку точные эквиваленты для русских старославянизмов в финском языке встречаются редко, перевод осуществляется с помощью стилистических тонкостей или же путем компенсации с использованием иных средств, доступных в ПЯ.

Ранее перевод старославянизмов на финский язык, насколько нам известно, не исследовался, поэтому данная тема является интересным предметом для изучения и проведения анализа.

1. Адекватный перевод и стилистические нормы

В данной главе обсуждается понятие «адекватность» или иначе «полноценность» перевода. Такие переводоведы как А. Федоров, А. Смирнов, В. С. Виноградов и многие другие неоднократно затрагивали эту тему в своих научных трудах, но несмотря на это до сих пор возникают разногласия о том, что же такое адекватный перевод, а главное, что он в себя включает и как его достигнуть.

Толковый словарь переводческих терминов Р. Миньяра-Белоручева дает следующее объяснение этого понятия: «адекватный перевод – воссоздание единства содержания и формы подлинника средствами другого языка». При этом, адекватный перевод является целью художественного перевода. (Миньяр-Белоручев 1999: sv. адекватный перевод.)

При обсуждении данного вопроса Федоров (1983: 126) характеризует понятие «адекватности» следующими объяснениями: «соответствие», «соответственность», «соразмерность». Федоров также предлагает возможность замены слова «адекватность» русским словом «полноценность», которое в применении к переводу означает соответствие подлиннику по функции (полноценность передачи) и оправданность выбора средств в переводе. (Федоров 1983: 126.)

Федоров (1983: 126) цитирует объяснение Смирнова (1934: 52), который дает следующее определение понятия «адекватность»:

«Адекватным мы должны признать такой перевод, в котором переданы все намерения автора (как продуманные им, так и бессознательные) в смысле определенного идейно-эмоционального художественного воздействия на читателя, с соблюдением по мере возможности [путем точных эквивалентов или удовлетворительных субститутов (постановок)] всех применяемых автором ресурсов образности, колорита, ритма и т. п.; последние должны рассматриваться, однако, не как самоцель, а только как средство для достижения общего эффекта. Несомненно, что при этом приходится кое-чем жертвовать, выбирая менее существенные элементы текста».

По мнению Федорова, данной формулировки недостаточно для полного определения понятия. Одна из причин этого заключается в необходимости «кое-чем жертвовать». Смирнов говорит об этом как об исключении из правил, хотя и употребляет такие термины как «эквивалент» и «субститут», которые указывают на широкое понимание «адекватности». С другой

стороны, так называемые "жертвы" не противоречат принципу полноценности, а наоборот предполагаются им. Перевод – это сложный и сознательный отбор различных возможностей для воспроизведения всей совокупности подлинника. Под мастерством перевода понимается умение как сохранять, так и жертвовать чем-либо для более близкого соответствия подлиннику. (Федоров 1983: 126-127.)

Федоров (1983: 127) дает собственное определение полноценности (адекватности) перевода:

«Полноценность перевода означает исчерпывающую передачу смыслового содержания подлинника и полноценное функционально-стилистическое соответствие ему.»

Существенным фактором для достижения полноценности является передача того соотношения, в котором часть, отдельный элемент или отрезок текста находится к целому. Полноценный перевод включает в себя определенное равновесие между целым и отдельным, из чего следует, что полноценность не всегда требует одинаковой степени словесной близости к оригиналу на всем протяжении перевода. (Федоров: 1983: 127.)

Федоров все же говорит и о том, что упомянутое выше определение полноценности перевода нельзя назвать универсальным. Оно не является нормативным, так как говорит о том, что следует считать полноценностью перевода, а не о том, каким должен быть перевод любого произведения в любой стране, в любое время. Соотношение содержания и формы в их единстве является исходной точкой при определении значения отдельного элемента в подлиннике и необходимости его точной передачи, а также возможности его пропуска или замены. (Федоров 1983: 128, 124.)

Федоров подчеркивает и то, что в применении к художественному переводу «адекватность» означает «соответствие подлиннику по эстетической функции», то есть перевод должен произвести такое же впечатление, что и подлинник. (Федоров 1983: 97.)

По мнению Гачечиладзе в художественном переводе следует искать художественное соответствие (эстетическую ценность подлинника), а никак не соответствие слову подлинника. Тем не менее, переводчик должен владеть знанием языковых параллелей и умением применять их. (Гачечиладзе 1980: 95.)

Гачечиладзе подвергает критике определение понятия адекватности Федорова за то, что последний не говорит о творческом начале в процессе перевода (в данном случае художественной прозы).

Гачечиладзе считает, что в критике Федорова, касающейся определения полноценного перевода Смирнова есть недостаток, который состоит в лингвистической ограниченности этой критики. Смирнов говорит о возможности пожертвовать «менее существенными элементами текста», и Федоров согласен с такой необходимостью, но она усматривается в языковых условиях текста. (Гачечиладзе 1980: 86 < Федоров 1958 < Смирнов.)

По мнению Гачечиладзе, элементом текста может служить и художественный образ, стилистический элемент и т. д., а не только слово или словосочетание со своим смысловым значением. Несомненно, что элемент художественно-образной системы подлинника выражается средствами языка, но опытный переводчик чувствует в первую очередь не языковой, а художественный момент. Тем самым Гачечиладзе считает, что определение понятия «адекватности» Федорова не является полным, а даже более абстрактно, чем определение Смирнова. (Гачечиладзе 1980: 87, 91.)

В. С. Виноградов (1978: 12-13.) критикует Гачечиладзе за то, что слово для него является олицетворением буквы, а не духа подлинника. По мнению Виноградова, слово – это важнейшая клетка языка, и любая мысль в литературе, и любой художественный образ, передаются с помощью слов. Виноградов цитирует слова Л. Гинзбурга о том, что «бесспорно одно – что всем нам надо крайне бережно и любовно относиться к первоисточнику нашего переводческого творчества, без которого бессильны все наши лучшие качества и достоинства – к слову» (Виноградов 1978: 13 < Гинзбург 1959.)

Виноградов считает, что перевод является «вторичным» искусством, а именно искусством «перевыражения» оригинала в материале другого языка и в связи с этим, достижение полного тождества между первоначальным текстом и переводом невозможно. Он также подчеркивает, что оригинал является единственным и невоплотимым результатом индивидуального творчества писателя, поэтому перевод может быть только адекватным. Перевод может постоянно сближаться с подлинником, но никогда не сможет слиться с ним, так как у перевода есть свой творец, свой языковой материал и своя роль в языковой, литературной и социальной среде, которая отличается от среды оригинала. По мнению Виноградова адекватный перевод во многом зависит как от понимания всего смыслового содержания, так и от точного, и в достаточной мере полного восприятия эмоционально-оценочной информации оригинала. (Виноградов 1978: 8, 24.)

Рецкер в статье «О закономерных соответствиях при переводе на родной язык» выделил три основных типа возможных соотношений между элементами языка оригинала и средствами языка перевода, представляющих определенную закономерность. Категориями закономерных соответствий являются: перевод при помощи **эквивалентов**, **аналогов** и **адекватных замен**. Данные соответствия представляют собой разные пути для достижения одной и той же цели – адекватности перевода. (Федоров 1983: 102 < Рецкер 1950.)

В научно-техническом переводе большую роль играют терминологические эквиваленты, то есть постоянные равнозначные соответствия, которые не зависят от контекста. При переводе общественно-политического текста используют метод нахождения аналога, то есть посредством выбора одного варианта из нескольких возможных синонимов. При переводе художественного текста широко используются адекватные замены, смысл которых состоит в том, что для более точной передачи содержания переводчик должен «оторваться от буквы

подлинника, от словарных и фразовых соответствий, исходя из целого: из содержания, идейной направленности и стиля подлинника» (Федоров 1983: 102 < Рецкер 1950.) Данная классификация никак не означает, что тот или иной вид соответствий относится к одному определенному виду. В переводе художественных произведений может возникнуть потребность в применении «эквивалентов», так же и в других текстах научного или публицистического характера может понадобиться использование «аналога» или «адекватной замены». (Федоров 1983: 102.)

После выведения трех категорий закономерных соответствий их автор Рецкер неоднократно возвращался к ним, детализируя и конкретизируя их сущность. Понятие «эквивалентности» было разделено на разновидности, термин «аналог» был заменен термином «вариантное соответствие», вместо понятия «адекватная замена» было введено другое разветвленное понятие различных подробно описанных «трансформаций» данных оригинала. Федоров (1983: 103) считает, что понятие закономерных соответствий и их классификация признаны в теории перевода и их можно расценивать как открытие в данной области.

1.1. Эквиваленты

Согласно определению Миньяра-Белоручева, эквивалентами называются независимые от контекста равнозначные и постоянные соответствия между словами (единицами) оригинала и текста перевода; «межъязыковые синонимы». (Миньяр-Белоручев 1999.)

Согласно Виноградову переводческие соответствия (эквиваленты) – это слова и словосочетания перевода и оригинала, которые передают равный или относительно равный объем знаменательной информации, а также являются функционально равнозначными в одном из своих значений. (Виноградов 1978: 65.)

Текст перевода никогда не может быть полным эквивалентом текста подлинника, так как в процессе перевода не избежать потерь и значения, выраженные текстом подлинника, полностью не передать. Несмотря на это, переводчик должен стремиться к тому, чтобы сделать эту эквивалентность как можно более полной. (Бархударов 1975: 10-11.)

В процессе перевода переводчик сталкивается с трудностями из-за расхождения в семантических системах разных языков. Бархударов считает, что существуют различные типы значений, которые в процессе перевода подразделяются на те, которые следует сохранять и на те, которыми можно «пожертвовать». Эквивалентность подлинника и перевода не основывается на тождестве выражаемых значений. (Бархударов 1975: 12-13.) Дж. Кэтфорд объясняет это тем, что значение является свойством определенного языка, и высказывание о том, что текст исходного языка и текст языка перевода имеют одно и то же значение и что

в процессе перевода речь идет о переносе значения, необоснованно. (Бархударов 1975: 13 < Кэтфорд 1965.)

Полное совпадение лексических единиц разных языков в полном объеме их значения встречается весьма редко. Таковыми являются слова, которые имеют в обоих языках лишь одно лексическое значение:

- 1) имена собственные и географические названия, например, *Авраам – Aabraham; Англия – Englanti.*
- 2) научные и технические термины, например, **Судопроизводство** по делу его прошло без больших затруднений / **Oikeudenkäynti** hänen asiassaan sujui suuremmitta vaikeuksista. (Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка)
- 3) названия месяцев, дней недели и числительные: *июль – heinäkuu; понедельник – maanantai; сорок – neljäkymmentä.*

Но не все слова, которые относятся к этим трем группам, имеют полные соответствия. (Бархударов 1975: 75.) Так, финское слово *kuusi* ‘шесть’/ ‘ель’ омонимично, а слово *teho* обозначает в физике как *мощность*, так и *эффективность* (многозначность).

При сопоставлении слов двух языков, наиболее распространенным является частичное соответствие, когда одному слову в исходном языке соответствует несколько семантических эквивалентов в языке перевода. (Бархударов 1975: 77-78.) Так русское слово *дом* совпадает с финским словом *talo*, в значении ‘здание’, но расходится в другом: русское слово *дом* имеет также значение ‘домашний очаг’, ‘жилье’, которое по-фински будет *koti* и значение ‘династия’ – *hallitsijasuku*.

Бывают случаи, когда слова одного из языков не имеют ни полных, ни частичных эквивалентов среди слов другого языка: слова не имеющие постоянных соответствий в словарном запасе другого языка. Ими могут быть и упомянутые ранее имена собственные, географические наименования, названия учреждений, газет и пр., (Бархударов 1975: 94.)

1.2. Вариантные соответствия (аналоги)

О вариантных соответствиях идет речь тогда, когда в языке перевода есть несколько слов для передачи одного и того же значения исходного слова. (Рецкер 1974: 14.) Так, например, русское слово *квартира* согласно БТС имеет два значения: 1. Отдельное жилое помещение в доме, состоящее из одной или нескольких комнат, кухни, прихожей и т.п. // Жилое помещение, жилище. и 2. устар. Место расположения войск в населенном пункте. В значении «жилое помещение», слово можно перевести с использованием вариантных соответствий (аналогов):

- (1) Вся **квартира** состояла из этих двух комнат. / **Asuntoon** ei kuulunutkaan muuta kuin nämä kaksi huonetta. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

- (2) Каморка его приходилась под самую кровлей высокого пятиэтажного дома и походила более на шкаф, чем на **квартиру**. / Hänen komeronsa oli viisikerroksisen talon katon rajassa ja muistutti pikemminkin kaappia kuin **ihmiskasuntoa**. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка)
- (3) Здесь загородили ему дорогу отставные солдаты-носильщики, выносившие из одной **квартиры** мебель. / Siellä häneltä tukkivat tien kantajat, entiset sotamiehet, jotka raahasivat eräästä **huoneistosta** kalustoa. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка)

1.3. Переводческие трансформации (адекватные замены)

Для достижения переводческой эквивалентности или, другими словами, «адекватности перевода» переводчик должен уметь производить многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, то есть так называемые переводческие трансформации. Это делается для того, чтобы текст перевода по возможности передавал всю информацию исходного текста при соблюдении норм языка перевода. Элементарными типами трансформаций являются 1) перестановки, 2) замены, 3) добавления, 4) опущения. Бархударов подчеркивает то, что данное деление приблизительно и условно, так как на практике эти четыре типа встречаются в «чистом виде» довольно редко. Переводческие трансформации, как правило, сочетаются с друг другом и превращаются в «комплексные трансформации» (Бархударов 1975: 190-191.)

1.3.1. Перестановки

Перестановка – это изменение, как правило, порядка слов и словосочетаний в структуре предложения (Бархударов 1975: 191). Типичный пример перестановки представлен в (4): в русском языке наречие ставится перед глаголом, тогда как в финском наречие следует за глаголом:

- (4) Он **благополучно избегнул** встречи с своею хозяйкой на лестнице. / Hän **vältti onnellisesti** emäntänsä tapaamisen portaissa. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка)

При переводе возможна перестановка слова из начала предложения в конец или середину предложения:

- (5) Он **соглашался "ничего не делать"** у меня за семь рублей в месяц. / Seitsemästä ruplasta kuussa **hän suostui olemaan**

tekemättä mitään luonani. (Достоевский Ф.М. Записки из подполья, пер. Э. Адриан.)

- (6) Если, например, я выдерживал и делал вид, что не замечаю этих взглядов, он, **по-прежнему молча**, приступал к дальнейшим истязаниям. / Mutta jos minä kestin enkä ollut huomaavinani hänen katseitaan, hän siirtyi seuraaviin kidutuksen muotoihin, **edelleen vaiti**. (Достоевский Ф.М. Записки из подполья, пер. Э. Адриан.)

Иногда при переводе происходит изменение порядка следования частей сложного предложения. Перестановке могут также быть подвергнуты и самостоятельные предложения в строе текста. Как вид переводческой трансформации перестановки встречаются довольно часто и, как правило, сочетаются с заменами, о которых пойдет речь далее. (Бархударов 1975: 193-194.)

1.3.2. Замены

Замены являются самым распространенным и многообразным видом переводческой трансформации. При переводе замене подвергаются как грамматические единицы (формы слов, части речи, члены предложений и др.), так и лексические единицы. Замене могут также подвергаться и целые конструкции. (Бархударов 1975: 195.)

Замены подразделяются следующим образом: 1) замена частей речи, 2) замены членов предложения, 3) синтаксические замены в сложном предложении, 4) лексические замены (конкретизация, генерализация, замена следствий причиной и наоборот), 5) антонимический перевод, 6) компенсация. (Бархударов: 203-218.)

Замена частей речи означает то, что при надобности одну часть речи можно заменить на другую, например, существительное можно заменить местоимением (прономинализация) или наоборот местоимение существительным:

- (7) **Тот** уже входил в комнаты. / **Raskolnikov** oli jo menossa huoneisiin. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

Обычной заменой является замена прилагательного (как правило, образованного от географического названия) на существительное. (Бархударов 1975: 197.)

Часто встречается **замена членов предложения**, иными словами происходит «перестройка синтаксической структуры предложения». Причины для этого разные, одна из них – необходимость в передаче «коммуникативного членения» предложения. Следует помнить о том, что

перестройка обусловливается соображениями стилистического, а никак не грамматического порядка. (Бархударов 1975: 198, 203.)

Следующим подразделением замен являются **синтаксические замены в сложном предложении**, которые делятся следующим образом: 1) замена простого предложения сложным, 2) замена сложного предложения простым, 3) замена главного предложения придаточным и наоборот, 4) замена подчинения сочинением и наоборот, 5) замена союзного типа связи бессоюзным и наоборот. (Бархударов 1975: 203.)

(8) Часом помедля пришел - не приняли, **в третий пришел - допустили.** / Tunnin kuluttua menin toisen kerran - minua ei otettu vastaan. **Mutta kun menin kolmannen kerran, hän otti puheilleen.** (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

(9) - То есть сесть за чужую хлеб-соль и тут же наплевать на нее, равномерно и на тех, которые вас пригласили. **Так, что ли?** / - Toisin sanoen te nauttisitte tarjottua leipää ja suolaa ja samalla sylkäisisitte niitä samoin kuin henkilöitä, jotka ovat teidät kutsuneet, **eikö niin?** (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка)

Лексические замены включают замену отдельных лексических единиц (слов, словосочетаний) исходного языка лексическими единицами языка перевода, которые не являются их словарными эквивалентами. Три наиболее часто встречающихся случая подразумевают под собой: конкретизацию, генерализацию и замену, основанную на причинно-следственных отношениях. (Бархударов 1975: 210.)

Под **конкретизацией** понимается замена слова или словосочетания с широким значением в исходном языке словом или словосочетанием языка перевода с более узким значением. Конкретизация может быть языковой (используется при расхождении в строе двух языков либо в расхождении в стилистических характеристиках или же из-за отсутствия в языке перевода соответствующего слова, словосочетания) и контекстуальной (речевой). (Бархударов 1975: 210). Конкретизируются при переводе на русский, например, глаголы движения: *tulla* и *tennä* – *приходить, прибывать, приезжать, подходить, подбегать, приплывать, прилетать* и пр., а *tennä* – как *идти, ехать, проходить*, и пр.

(10) - Где же они? - спросил я кого-то. Но они, разумеется, уже успели разойтись... Передо мной стояла одна **личность**, с глупой улыбкой, сама хозяйка, отчасти меня знавшая. Через минуту отворилась дверь, и вошла другая **личность**. / - Missä he ovat? kysyin joltakin. Mutta he olivat tietenkin ehtineet jo lähteä... Edessäni seiso i typerästi hymyilevä **nainen**, talon emäntä joka tunti minut osittain. Hetken kuluttua ovi avautui, ja huoneeseen tuli toinen **naishenkilö**. (Достоевский Ф.М. Записки из подполья, пер. Э. Адриан)

Генерализация – это обратное конкретизации явление. В данном случае происходит замена единицы исходного языка с узким значением единицей языка перевода с более широким значением. (Бархударов 1975: 213).

- (11) - **Девка** в больнице бы померла... (Она уж об этом знает, подумал я, - и сказала: **девка**, а не девушка. / - Se **nainen** olisi kuollut sairaalassakin... (Hän tietää jo tapauksesta, minä ajattelin, siksi hän sanoi "**nainen**" eikä "tyttö". (Достоевский Ф.М. Записки из подполья, пер. Э. Адриан.)

Замена следствия причиной и наоборот означает, что слово или словосочетание исходного языка может заменяться при переводе словом или словосочетанием языка перевода, которое логически обозначает причину действия или состояния, обозначенного переводимой единицей исходного языка. Например, "I don't blame them. / Я их понимаю" (Бархударов 1975: 214.)

Антонимический перевод включает в себя комплексную грамматическую замену, которая заключается в трансформации утвердительной конструкции в отрицательную или наоборот (Бархударов 1975: 216.)

- (12) - **Не оспариваем! не оспариваем!** / - **Selvä on! Selvä on!** (Достоевский Ф.М. Записки из подполья, пер. Э. Адриан.)

- (13) Тем не менее такие лица, как сочинитель таких записок, **не только могут, но** даже должны существовать в нашем обществе, взяв в соображение те обстоятельства, при которых вообще складывалось наше общество. / Silti näiden kirjoitusten tekijän kaltaisia henkilöitä **on** ja **jopa** täytyy olla meidän yhteiskunnassamme, kun ottaa huomioon olosuhteet, joiden vallitessa yhteiskuntamme yleensä on kehittynyt. (Достоевский Ф.М. Записки из подполья, пер. Э. Адриан.)

Одной из разновидностей антонимического перевода является замена прилагательного или наречия в сравнительной или превосходной степени прилагательным (наречием) в положительной степени или наоборот. (Бархударов 1975: 218.)

Компенсацией называется один из приемов достижения эквивалентности перевода, который применяется в тех случаях, когда определенные элементы текста исходного языка по какой-либо причине не имеют эквивалентов в языке перевода и не могут быть переданы его средствами. В таких случаях переводчик передает информацию каким-либо иным средством, причем необязательно чтобы это было сделано в том же самом месте, что в подлиннике. (Бархударов 1975: 218.)

- (14) - Гот дер бармгерциге! **Я** так и **зналь**, что **она вороваль!** - всплеснула руками Амалия Ивановна. / - Gott der barmherzige!

Tiedä minä se, hän varasta! sanoi Amalia Ivanovna ja läimäytti käsiään yhteen. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

По словам Бархударова (1975:221) компенсация используется особенно часто в случаях, где необходимо передать те или иные языковые особенности подлинника – диалектную окраску, неправильности или какие-либо индивидуальные особенности речи. В примере (14) переводчик сумел передать манеру речи Амалии Ивановны и донести до читателя то, что Амалия Ивановна была немкой и говорила по-русски с акцентом. В оригинале в конце слов *знал* и *воровал* стоит мягкий знак, который смягчает согласную букву. В переводе используется иная компенсация: глаголы *tietää* и *varastaa* стоят в повелительном наклонении.

1.3.3. Добавления

Причиной добавлений в тексте является то, что Л. Бархударов называет «формальной невыраженностью» семантических компонентов словосочетания в исходном языке. Данное явление можно трактовать как «эллипс» или «опущение» каких-либо семантических элементов. (Бархударов 1975: 221.)

Например, такие финские слова как *asehupa* мы переводим как **удостоверение на право ношения оружия**, а *öljymaat* как **страны – производительницы нефти**. Этот фактор является одной из причин дополнений в переводе.

(15) Он до того углубился в себя и уединился от всех, что боялся даже **всякой** встречи, не только встречи с хозяйкой. / Hän oli siinä määrin uponnut itseensä ja eristynyt kaikista, että pelkäsi jokaisen **ihmisen** tapaamista, ei ainoastaan emännän. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

Согласно Черняховской (1976: 241-242) существуют и другие причины применения добавлений, а именно в тех случаях, когда речь идет о расширении информационной структуры:

(16) Близость **Сенной**, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих срединных петербургских улицах и переулках, пестрили иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурой. / **Heinätorin läheisyys, tietynlaisten laitosten runsaus ja pääasiassa käsityöläisväestö, joka on kasautunut näille Pietarin keskiosan kaduille ja kujille, kirjavoittivat toisinaan yleiskuvan sellaisin**

tyypein, että olisi ollut outoa hämmästyä mitään poikkeavaa ilmiötä.
(Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)³

Иногда добавления обуславливаются стилистическими соображениями.
(Бархударов 1975: 226.)

1.3.4. Опушения

Опушение – противоположность добавления. Опушению подвергаются слова, которые являются «избыточными», то есть в тексте можно обойтись и без них. Тот факт, что переводчик может устранить из текста семантически избыточные элементы исходного текста, делает возможным осуществление «компрессии текста». (Бархударов 1975: 226-230).

- (17) Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив; но с некоторого времени он был в **раздражительном** и **напряженном** состоянии похожем на ипохондрию. / Eipä silti että hän olisi ollut kovin arka ja ahdistunut, täysin päinvastoin, mutta joitakin aikoja hän oli ollut raskasmielisyyden kaltaisessa tilassa.
(Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В (17) переводчик опустил выражение «похожем на ипохондрию», скорее всего потому, что решил, что оно избыточное и в тексте можно обойтись без него, так как выражение лишь поясняет предыдущие слова.

1.4. СТИЛЬ

Согласно Федорову (1983: 22) в работах, в которых обсуждаются проблемы перевода, постоянно уделяется внимание стилистическим явлениям.

Стиль – это единство, которое помогает вычленить типологически отдельные уровни текста. Макростилистикой называют стилистику темы, а микростилистика занимается исследованием стиля на низших уровнях стиля: от уровня предложения до уровня слова. Только стилистика в состоянии описать, что происходит при построении текста (Попович 1980: 88).

Гачечиладзе (1980: 134-135) считает, что переводчик не должен создавать «новый стиль», руководствуясь чужими языковыми образцами, а постараться найти «стилистический ключ», который находится в «области общего соответствия мировоззрения автора и его стиля».

Согласно Поповичу (1980: 90) систему стилистических категорий используют при сравнении первоначального текста с переводом. Оба сравни-

³ Эллипсис существительного (площадь) в русском тексте свойственен разговорной речи, а в финском полная форма неизбежна, потому что в финском – это сложное слово.

ваемые текста представляют собой особую стилистическую систему, особый код.

Бархударов (1975: 109–110) выделяет пять видов стилистической характеристики слов:

1) Нейтральная – у слов, которые употребляются во всех типах и жанрах речи (большинство слов, входящих в состав любого языка).

2) Обиходно-разговорная – у слов, которые употребляются в устной речи и, обычно, не употребляются в письменной речи (*влипнуть, шлепнуться*).

3) Книжная – у слов, которые употребляются лишь в письменной речи и, как правило, не употребляются в обиходно-разговорной речи (*благосостояние, досягаемость*).

4) Поэтическая – у слов, которые употребляются, главным образом, в поэзии, а иногда в «торжественной» прозе (*очи, уста*).

5) Терминологическая – у слов, которые употребляются в официально научном жанре: научная и техническая терминология, юридические термины и т. д.

В процессе перевода переводчик сталкивается с различиями в составе речевых стилей двух разных языков, но это не означает, что невозможно найти функциональное соответствие. (Федоров 1983: 200.)

Далее речь пойдет о регистре и об эмоциональной окраске слова. В беседе с кем-либо мы выбираем определенные слова и выражения. Определенные слова употребляются только при общении с близкими знакомыми, друзьями; в то время как, беседуя с малознакомыми людьми, мы употребляем совершенно другие слова и выражения – именно в этом и заключается суть понятия регистр слова. Бархударов выделяет пять регистров: 1) фамильярный (*оболтус, трескать*); 2) непринужденный (*авоська, подкачать*); 3) нейтральный; 4) формальный (*бракосочетание, прибыть*); 5) возвышенный (*стезя, вкусить*). Большинство слов русского языка относятся к нейтральному регистру. (Бархударов 1975: 110–111.)

Как стилистической так и смысловой верности оригиналу можно достигнуть при помощи правдивого перевода, а не путем формальной дословной точности. (Федоров 1983: 125.)

1.4.1. Стилистические эквиваленты

По мнению Поповича, эквивалентность следует искать на уровне структуры текста, то есть в стиле, так как только на данном уровне текст переходит из одного языка в другой в качестве однородного образования. (Попович 1980: 93.)

В переводе понятие эквивалентности перевода следует определять на уровне стиля произведения, на котором как тематические так и языковые элементы приобретают функциональное равноправие. (Попович 1980: 94.)

Из вышесказанного следует, что одной из главных задач переводчика является поиск и выбор стилистических эквивалентов тексту оригинала.

Под стилистической эквивалентностью выражения подразумевается эквивалентность в языке перевода. Так как с языка оригинала на язык перевода невозможно перенести образную структуру и тему без «потерь», то есть прямо и адекватно, то остается считаться с определенными стилистическими сдвигами. (Попович 1980: 95-96.)

Стилистический сдвиг – это доказательство того, что невозможно достигнуть полной верности оригиналу. С другой стороны, он также свидетельствует о том, что переводчик старался достигнуть тождества, сделав некоторые изменения по сравнению с оригиналом. Сдвиги встречаются даже если переводчик стремится как можно точнее передать оригинал. Согласно Поповичу, функциональный, стилистический сдвиг, целью которого является адекватная передача характера оригинала в условиях другой системы и можно считать оптимальным вариантом перевода. (Попович 1980: 98.)

1.4.2. Стилистические изменения в переводе

Возможностями переноса стилистических ситуаций из оригинала в язык перевода можно считать:

1. Стилистическое соответствие (100): стилистически адекватно воспроизведенные переводчиком смысловые инварианты оригинала; соответствующие друг другу как в функциональном, так и в структурном смысле изобразительные элементы перевода и оригинала. (Попович 1980: 99-100).

2. Стилистическую субституцию: изменение стилистических элементов выражения, замена непереводимых выражений, образных связей, идиомов, поговорок и других устоявшихся выражений, устоявшимися выражениями в системе языка перевода. (Попович 1980: 100,102.)

3. Стилистическое усиление: преднамеренное акцентирование стилистических моментов, придавая таким образом переводу новую эстетическую информацию. (Попович 1980: 100,103.)

4. Стилистическую типизацию: прием нарушения норм выражения, что включает в себя языковую характеристику персонажа с помощью сленга, креолизации или диалекта, которые являются характерными для определенной окружающей среды. (Попович 1980: 104.)

5. Стилистическую индивидуализацию: прием встречающийся, как правило, у переводчиков поэзии (Жуковский), а в настоящее время использующийся главным образом при переводе поэзии для детей младшего дошкольного и дошкольного возраста. Приемами индивидуализации являются, например, изменение строфической организации стиха, изменение ритма, изменение системы образного выражения. (Попович 1980: 105-106.)

6. Стилистическое ослабление: приглушение выразительных стилистических приемов оригинала и замена их менее сильными или даже нейтральными. (Попович 1980: 106.)

7. Стилистическую нивелировку: стирание при переводе характерных черт построения оригинала; утрата некоторых приемов выразительности. (Попович 1980: 107.)

8. Стилистическую утрату: невозможность переноса особенностей языка, в русском, эпитетов, уменьшительных суффиксов и т. д., за неимением языковых средств в языке перевода. (Попович 1980: 107-108.)

Вышеуказанная типология стилистических сдвигов носит в тексте абстрактный и дедуктивный характер, поэтому она не может применяться прямолинейно. Особенно данное высказывание касается усиления или ослабления выразительных средств, так как они могут быть функционально оправданными. Поэтому при анализе перевода следует интерпретировать решения переводчика не забывая об особенности стилистической дифференциации принимающего языка, иначе предложенная классификация была бы чисто механической, уничтожающей живой текст. Следует добавить, что при переводе вышеупомянутым так называемым конститутивным сдвигам противостоят «индивидуальные» сдвиги, которые полностью зависят от личности переводчика. (Попович 1980: 109.)

2. Проблема поиска переводных соответствий для старославянизмов при переводе художественных текстов с русского на финский

2.1. Старославянизмы

Старославянизмом (славянизмом) называют слово, заимствованное из старославянского языка. Такие слова как, например, *храбрый*, *время*, *враг* являются старославянизмами. Старославянизмом может быть также отдельный старославянский элемент в составе нестарославянского слова, например, приставка *пред-* в слове с латинским корнем *предэкзаменационный* или морфема *-град* в слове *Петроград*. (Розенталь 1976: 31.)

Следует различать три группы старославянизмов по их происхождению. Первая группа состоит из старославянских слов имеющих однокоренной русский синоним того же корня *брег* (ср. *берег*), *глад* (ср. *голод*).

Вторую группу образуют старославянская специфическая лексика: *истина* (рус. *правда*), *агнец* (рус. *ягненок*), а также словообразовательные старославянские кальки⁴ с греческих слов: *бездна*, *совесть*, *мудрость*, *животворный* и т. п.

Третью группу составляют семантические старославянизмы, общеславянские по времени появления слова (период общеславянского языкового единства до VI—VII вв. н.э.)⁵, получившие в старославянском языке особые значения и вошедшие с этими значениями в древнерусский язык (период существования – VII—XII вв)⁶. В данном случае исконно русские слова общеславянского происхождения сливались с семантически отличными старославянизмами, получая, при этом, новое значение. Такими

⁴ «Словообразовательные кальки – это такие слова, которые возникли в результате перевода иноязычных слов по составляющим эти слова морфемам, на основе усвоения словообразовательной структуры чужих слов». (Шанский, Иванов 1981:41–42.)

⁵ Дудников 1990: 96

⁶ Дудников 1990: 97

словами являются *Бог* → *богатый*, *грех* → *огрех*, *блуд* → *заблудиться*, *Господь* → *господствовать*, *господин* и т. п. в их современных значениях. (Шанский, Иванов 1981: 36-37.)

2.2. Место старославянизмов в русской лексике

Встречающиеся в современных текстах старославянизмы можно разделить на три группы **по степени современности и по стилистической окраске**:

а) старославянизмы, прочно вошедшие в русский язык, не имеющие оттенка книжности и нейтральные по своей стилистической окраске: *время*, *сладкий*, *общий*, *художник*, *начальник*, *праздник*, *польза*, *юг*, *восток*, *здравствуй*;

б) старославянизмы, характерные для письменной речи: *изобличить*, *расторгать*, *достоверный*, *притязать*, *собеседование*, *изложить*, *благо*, *соболезнование*. Такая лексика нередко встречается в публицистике, в научной литературе, в официальных документах и т. п.;

в) старославянизмы-архаизмы. Устаревшие слова, которые широко употреблялись в поэзии XVIII—XIX вв.: *И прогремела грозным гласом в годину битвы наша сталь* (Е. Евтушенко).

В русском языке гораздо больше старославянизмов, относящихся к лексике высокой или официальной письменной речи, чем нейтральных и устаревших славянизмов. (Розенталь 1976: 32-33.)

2.3. Анализ перевода старославянизмов на финский язык

Прежде чем приступить к анализу, разделим выбранные нами двенадцать слов на три **стилистические группы**: 1. стилистически нейтральные старославянизмы, прочно вошедшие в русский язык (*воля*, *гнев*, *Господь*, *образ*); 2. старославянизмы высокого стиля, относящиеся к разным видам лексики письменной речи (*воистину*, *истина*, *старец*⁷).

3. архаичная лексика и устаревшие слова (*буди*, *буди*; *изрекать*, *инок*, *старец*⁸, *тварь*).

Анализ будет проводиться погруппно. Внимание будет обращаться на следующие параметры:

1. Функция слова (по БТС)

⁷ *Пожилый и уважаемый человек. (БТС.)*

⁸ *Пожилый монах, отшельник; духовный наставник и руководитель верующих или других монахов. (БТС.)*

2. Регистр слова
3. Эмоциональная окраска слова
4. Стилистическая характеристика слова
5. Перевод слова (по русско-финскому словарю)
6. Перевод переводчика (соответствие переводу, данному в словаре / свой вариант)
7. Прием перевода (закономерные соответствия)
8. Стилистические сдвиги

Слова *воля, гнев, Господь, образ* относятся к первой стилистической группе и не воспринимаются носителями русского языка как чужеродные. Эти слова прочно вошли в русский язык, и широко употребляются как в разговорной, так и в письменной речи.

2.3.1. Воля

Слово является многозначным. Согласно толковому словарю русского языка БТС, оно имеет пять значений: 1. Способность человека сознательно управлять своими действиями, *сила воли* и др. 2. *Упорство, настойчивость* в достижении чего-либо. 3. *Желание, требование*. 4. *Власть*. 5. *Свобода*. Слово *воля* относится к нейтральному регистру и имеет нейтрально-эмоциональную окраску. *Воля* можно отнести к слову употребляющемуся во всех типах и жанрах речи, поэтому оно является стилистически нейтральным.

В финском слово *воля* имеет следующие соответствия: 1. *tahto* ‘желание’; 2. *vapaus* ‘свобода’; 3. *valta* ‘власть’; 4. *vapautus* ‘освободиться’; 5. *vapaa-ehtoisesti* ‘добровольно’ (VSS 2000); Слово *tahto* ‘желание’ – это: 1. *Kyky tietoisesti harkita eri toimintamahdollisuuksia ja tämän pohjalta tehdä päätöksensä, vapaa tahto* ‘Способность сознательно управлять своими действиями и принимать решения, свободная воля’ 2. *Tietoinen pyrkimys jnk. päämäärän saavuttamiseksi; vrt. halu, toivomus, pyyntö, vaatimus*. ‘Сознательное стремление к достижению какой-либо цели; хотение, желание, просьба, требование’ (NS 1957). В данном случае можно говорить о частичном соответствии значений русского *воля* и финского *tahto*, так слово *воля* можно перевести в двух случаях как *tahto*, что означает, что *воля* более широкое понятие и у него есть другие соответствия кроме *tahto*, поэтому при переводе следует учитывать весь контекст. Из этого следует, что полного эквивалента слову *воля* в финском нет, но несмотря на это можно говорить о частичном совпадении значений и о частичном эквиваленте. К тому же слово *воля* функционирует и переводится по-разному, в зависимости от слов, с которыми оно употребляется. В Новом большом русско-финском словаре (VSS 2000)

приводятся следующие устойчивые выражения со словом *воля*: **волею судеб** – *sattumalta* ‘случайно’; **воля ваша** – *oma (pa) on asianne* ‘дело ваше’, *kuten haluatte* ‘как хотите’; **на волю** – [*varaaseen*] *ulkoilmaan* ‘на свежий воздух’, *ulos* ‘наружу’; **на воле** – [*varaassa*] *ulkoilmassa*, ‘на свежем воздухе’ *ulkona* ‘снаружи’; **с воли** – *ulkoa* ‘снаружи’; **взять волю** – *toimia omavaltaisesti* ‘действовать самоуправно’, (*mielivaltaisesti*/самовольно); **дать волю слезам** – *puhjeta (ratketa) kuyneliin, alkaa itkeä* ‘расплакаться’; **давать волю рукам** – *käydä käsiksi, hyökätä kimppuun* ‘нападать’; *tapella* ‘драться’ и др.

В большинстве случаев слово *воля* все же переводится словом *tahto*. Далее будут представлены наиболее интересные примеры с точки зрения перевода слова на финский язык.

- (18) Повесившись, оставил записку, писанную своеобразным слогом: "Истребляю себя **своею волей** и охотой, чтобы никого не винить". Ну что б ему прибавить в записке: убийца я, а не Карамазов. Но этого он не прибавил: на одно совести хватило, а на другое нет? / Hän jätti jälkeensä lapun, johon oli kirjoittanut omalaatuisella tavallaan: "Teen lopun itsestäni **omasta tahdostani** ja halustani, ettei ketään syytettäisi." No, mikä häntä olisi estänyt lisäämästä lappuun: murhan olen tehnyt minä eikä Karamazov. Mutta sitä hän ei ole lisännyt: toiseen omatunto riitti, mutta toiseen ei. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

Пример (18) интересен тем, что сам автор говорит о том, что записка была написана «своеобразным слогом». И действительно Смердяков написал, что истребляет себя сам, то есть своею волею и охотой. Слово *воля* переведено как *tahto*, а охота как *halu* ‘желание’, ‘охота’. Истреблять ‘hävittää’, ‘tuhota’ как *teen lopun itsestäni* ‘покончу собой’. *Покончить*, в значении ‘лишить жизни’, является разговорным, и не совсем соответствует русскому истреблять. Несмотря на это, в контексте значение слов *воля* и *охота* совпадает как семантически, так и стилистически, поэтому здесь можно говорить о частичном эквиваленте. С другой стороны переводчик мог бы использовать при переводе вариантное соответствие *varaata tahto*, которое бы более точно соответствовало данному контексту.

- (19) Тем дело и кончилось, **предали воле Божьей**, и все - и судьи, и начальство, и все общество - остались убеждены, что совершил преступление никто как умерший слуга. А за сим началось наказание. / Asia päättyi siihen, kaikki **jäi Jumalan huomaan** ja kaikki, niin tuomarit ja esivalta kuin seurapiiritkin jäivät vakuuttuneiksi siitä, että rikosta ei ollut tehnyt kukaan muu kuin kuollut palvelija. Mutta tämän jälkeen alkoi rangaistus. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (19) переводчик использует свой собственный вариант перевода, а именно устоявшееся в финском языке выражение *jäädä Jumalan huomaan*.

Финско-русский словарь (SVS) дает следующие варианты перевода слова *huomaan*: (*jättää jnk huomaan*) 'оставлять' / 'оставить на чье-л попечение'; (*uskoa jllek*) 'доверять' / 'доверить' кому-л; (*ottaa jku huomaansa*) 'брать' / 'взять кого-л. на попечение'; (*jättäytyä Jumalan huomaan*) 'уповать на Бога'. Для переноса стилистической ситуации из оригинала в язык перевода было использовано устоявшееся выражение в финском языке. Используя стилистическую субституцию, переводчик достиг адекватности перевода.

- (20) Конечно, были некие и у нас из древле преставившихся, воспоминание о коих сохранилось еще живо в монастыре, и останки коих, по преданию, не обнаружили тления, что умирительно и таинственно повлияло на братию и сохранилось в памяти ее как нечто благолепное и чудесное и как обетование в будущем еще большей славы от их гробниц, если только **волею Божией** придет тому время. / Tietysti meidänkin luostarissamme oli ollut ammoin kuolleiden joukossa joitakuita, joiden muisto oli säilynyt elävänä luostarissa ja joista kerrottiin ettei heidän maallisissa jäännöksissään ollut tapahtunut mätänemistä, mikä oli vaikuttanut hellyttävästi ja salaperäisesti veljeskuntaan ja säilynyt sen muistissa suurena ja ihmeellisenä asiana ja mikä lupasi vielä suurempaa kunniaa heidän haudoilleen vastaisuudessa, jos **Jumala soi** sen ajan tulla. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

Здесь (20) выражение *волею Божией* было переведено как *Jumala suo* 'если Бог даст' (вариант переводчика). Глагол *suoda* имеет следующий перевод на русский язык: 1. *награждать, наделять*; 2. *позволять, допускать*; 3. *желать, хотеть*. В данном случае переводчик использовал более устоявшееся выражение в языке перевода и заменил часть речи (существительное было заменено глаголом). Грамматические замены в процессе перевода происходят часто, так как зависят от синтаксических конструкций. Предложение оригинала очень длинное и переводчик заботился о том, чтобы полноценно его передать, поэтому было бы очень трудно перевести «волею Божией» не произведя замены части речи. Переводчик справился с переводом интересующего нас выражения, но проигнорировал такие архаизмы как *из древле* и *коих*, поэтому по отношению ко всему отрывку перевод нельзя назвать адекватным. Возможно, что переводчик произвел компенсацию в другой части текста.

- (21) О да, мы будем в цепях, и **не будет воли**, но тогда, в великом горе нашем, мы вновь воскреснем в радость, без которой человеку жить невозможно, а богу быть, ибо бог дает радость, это его привилегия, великая... / Niin, **me olemme kahleissa, vankeina**, mutta silloin suuressa murheessamme me heräämme uuteen eloon ilossa, jota ilman ihminen ei voi elää, ja Jumala on olemassa, sillä Jumala antaa riemun, se on Hänen etuoikeutensa, suuri etuoikeus. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (21) выражение *не будет воли* было переведено как *me olemme vankeina* ‘мы пленники’ / ‘в плену’. В данном случае была использована замена, а именно антонимичный перевод: отрицательная конструкция *не будет воли* была заменена утвердительной *olemme vankeina*. Прием, несомненно, интересный, но несмотря на это, как нам кажется, не совсем удачный, так как Достоевский подчеркивает, что *не будет воли*, а переводчик нейтрализует выражение и делает его равнозначным по отношению к остальным словам *me olemme kahleissa, vankeina*, ‘мы будем в оковах, ‘в плену’, что напоминает лишь перечисление фактов. Слово *vanki* ‘пленный’ является нейтральным и не совсем соответствует оригиналу.

(22) Он не мог продолжать. Глаза его сверкали, он дышал трудно. Но и все в келье были взволнованы. Все, кроме старца, с беспокойством встали со своих мест. Отцы иеромонахи смотрели сурово, но ждали, однако, **воли** старца. / Hän ei voinut jatkaa pitemmälle. Hänen silmänsä leimahtelivat, hän hengitti vaivalloisesti. Kammiossa kaikki muutkin olivat kuohuksissaan. Kaikki paitsi luostarinvanhin nousivat levottomina paikoiltaan. Pappismunkit olivat ankan näköisiä, mutta odottivat kuitenkin luostarinvanhimman **määräyksiä**. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (22) переводчик заменил выражение *воля старца* на *luostarinvanhimman määräykset*. *Määräys* переводится как 1. *распоряжение, приказ; предписание; назначение*; 2. *определение*. Переводчик использовал прием смыслового развития⁹, поэтому нам следует задуматься о том, содержится ли в значении слова *воля* такое понятие как *распоряжение*. Что касается автора, то совершенно очевидно, что он не мог использовать в данном случае такое слово как *распоряжение*, потому что оно стилистически не соответствует данному контексту и приводит к стилистическому ослаблению.

(23) Нет, уж в таком случае позвольте мне и о высочайшем рыцарском и офицерском благородстве вашего брата досказать, ибо он его тогда выразил-с. Кончил он это меня за мочалку тащить, **пустил на волю-с**. / Ei, mutta sallikaa minun vielä kertoa veljenne korkeimmasta ritarillisesta upseerinjaloudesta, sen hän silloin toi julki. Hän lakkasi kiskomasta saunavamppuani, **päästi vapaaksi**. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (23) Достоевский использует со словом *воля* сокращение *с*. Согласно этимологическому словарю русского языка (1986), *с* – это сокращение обращения *сударь, государь*. Переводчик использовал при переводе свой

⁹ Прием смыслового развития называется замена словарного соответствия при переводе текстуальным, логически связанным с ним (Рецкер 1974: 45.)

собственный вариант и перевел *пустить на волю-с* как *päästää vapaaksi*, что вполне соответствует смыслу, но к сожалению, он не смог передать смысл, заключающийся в *с*. По-фински *с* можно было бы передать используя 3 лицо единственного числа: *hegga* 'господин' / *isäntä* 'хозяин' jne. Переводчик мог бы также использовать стилистическую типизацию, то есть дать или создать герою определенную языковую характеристику, если он на протяжении всего романа упоминает сокращение *с* в своей речи.

В оригинале есть также слово *братец*, которое было переведено как *veli* 'брат'. Русскому читателю сразу станет ясно, что герой говорит о брате уничижительно, но в финском варианте перевода этот оттенок не передается. В процессе перевода произошла стилистическая утрата, так как в финском языке нет уменьшительных суффиксов, но несмотря на это есть другие средства компенсации.

- (24) - А как Илюша будет тебе рад! Он и не воображает, что ты придешь. Почему, почему ты так долго не хотел идти? - воскликнул вдруг с жаром Смуров. - Милый мальчик, это мое дело, а не твое. Я иду сам по себе, потому что такова **моя воля**, а вас всех притащил туда Алексей Карамазов, значит, разница. И почему ты знаешь, я, может, вовсе не мириться иду? / -- *Mutta miten iloiseksi Pjuša tuleekaan, kun näkee sinut! Hän ei voi kuvitellaakaan, että sinä tulet. Miksi, minkä vuoksi sinä odotit niin kauan etkä halunnut mennä? Smurov huudahti äkkiä kiihkeästi. -- Hyvä poika, se on minun asiani, ei sinun. Minä menen silloin kun **haluan**, mutta teidät on raahannut sinne Aleksei Karamazov, siinä on ero. Ja mistä sinä tiedät, jos en mene lainkaan tekemään sovintoa?* (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (24) слово *воля* было переведено словом *haluta*. Глагол *haluta* переводится как *желать, хотеть* и является нейтральным. В настоящем случае переводчик использовал при переводе свой вариант и одно из вариантных соответствий, а также замену части речи: существительное было переведено глаголом. Смысл передан совершенно верно, но несмотря на это переводчик мог бы перевести *такова моя воля* как *tahdon*, которое является частичным эквивалентом. Не следует забывать и о том, что под стилистической эквивалентностью подразумевается эквивалентность в языке перевода, поэтому в данном случае выбор переводчика можно считать обоснованным.

- (25) Ну что за охота хотеть по табличке? Мало того: тотчас же обратится он из человека в органный штифтик или вроде того; потому, что же такое человек без желаний, **без воли** и без хотений, как не штифтик в органном вале? Как вы думаете? Сосчитаем вероятности, - может это случиться или нет? (Достоевский Ф.М. Записки из подполья.) / *Mitä iloa on haluta jonkin taulukon mukaan? Eikä siinä kylliksi: hän muuttuu heti urkupilliksi tai joksikin muuksi sen kaltaiseksi; sillä mitä muuta on ihminen vailla toiveita, **vailla vapautta** ja vailla tahtoa kuin eräs pilli*

uruissa? Mitä arvelette? Arvioikaamme mahdollisuudet, - voiko sellaista tapahtua vai ei? (Dostojevski F.M. Kellariloukko. Kallama V.) / Kukapa nyt haluaisi haluta taulukon mukaan? Enemminkin: hän muuttuu oitis ihmisestä urkujen koskettimeksi tai muuksi sellaiseksi. Sillä mitäpä muuta kuin urkujen kosketin on ihminen **vailla** toiveita, **tahtoa** ja halua? Mitä arvelette? Arvioikaamme todennäköisyys - voiko niin käydä vai ei? (Dostojevski F.M. Kirjoituksia kellarista. Adrian E.)

Перевод в следующем примере (25) был выполнен двумя разными переводчиками. Каллама перевел *без воли* как *vailla vapautta* 'без свободы', а Адриан как *vailla tahtoa* 'без воли'. Следует отметить, что в данном предложении идет перечисление: *что же такое человек без желаний, без воли и без хотений*. Переводчики также употребляют при переводе три слова как и в оригинале: *sillä mitä muuta on ihminen vailla toiveita, vailla vapautta ja vailla tahtoa* (Каллама) и *ihminen vailla toiveita, tahtoa ja halua* (Адриан). Каллама понимает слово *воля* как *vapaus*, а Адриан как *tahto* 'воля' и ставит его не вторым по счету как у Достоевского, а третьим, что не влияет на содержание, так как в данном случае «от перестановки мест слагаемых сумма не меняется» и перестановка обоснованна. К тому же, фраза двусмысленна, поэтому оба переводчика правы. Как упоминалось ранее, слово *воля* – многозначное. У Каллама слово *без* встречается трижды, как и у Достоевского, а Адриан использует предлог лишь один раз, поэтому в переводе Адриана произошло стилистическое ослабление, потому что, как нам кажется, автор намеренно повторил слово трижды, но один переводчик обратил на это внимание, а другой нет.

(26) - Эж ведь вам Алена-то Ивановна страху задала! - затараторила жена торговца, бойкая бабенка. Посмотрю я на вас, совсем-то вы как робенок малый. И сестра она вам не родная, а сведенная, а вот какую **волю** **взяла**. / - Kylläpä se Aljona Ivanovna onkin pumpannut teihin pelkoa! ratisi torikauppiaan vaimo, kerkeäkielinen pikku eukko. - Kun katselen tässä teitä niin olette aivan kuin pieni lapsi. Eikä hän ole edes teidän oikea sisarenne, vaan sisarpuoli. Mutta millaisen **vallan** onkaan **ottanut!** (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В (26) словосочетание *волю взяла* было переведено как *vallan ottanut* 'власть взяла', что соответствует оригиналу по смыслу, так как согласно VSS (2000) слово *valta* 'власть' является одним из значений слова *воля*. Поэтому можно говорить о контекстном соответствии и о достижении адекватности перевода.

В отрывке также упоминаются разговорные слова: *робенок* и *бабенка*. *Бабенка* – это бойкая молодая женщина (БТС). Слово переведено как *pikku eukko* 'маленькая старуха / жена / хозяйка', а *робенок* как *lapsi* 'ребенок'. При переводе первого слова переводчик старался достигнуть тождества, поэтому и принял такое решение при переводе. Можно ли считать перевод удачным или нет, сказать трудно, но можно похвалить переводчика за то,

что он пытался что-то сделать. При переводе второго слова компенсация не была произведена и поэтому финские читатели остались немного «обделенными».

- (27) - А в том **моя** добрая **воля**, батюшка, терпеть или вещь вашу теперь же продать. / - Hyvä herra, **on minun vallassani**, odotanko minä vai myynkö panttinne heti. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В (27) выражение *в том моя добрая воля* переведено как *on minun vallassani* 'в моей власти'. Смысл передан верно и в переводчик использовал одно из вариантных соответствий, но точно также он мог бы перевести это выражение и другим вариантным соответствием: *minun tahdostani riippuu* 'в моей воле'. Выражения соответствуют друг другу как в функциональном, так и в структурном смысле.

- (28) - **Ваша воля**. - И старуха протянула ему обратно часы. Молодой человек взял их и до того рассердился, что хотел было уже уйти; но тотчас одумался, вспомнив, что идти больше некуда и что он еще и за другим пришел. / - **Oma on tahtonne**. - Ja muori ojensi hänelle kellon takaisin. Nuori mies otti sen ja suuttui niin että aikoi jo poistua, mutta samassa muisti ettei ollut minne mennä ja että hän oli tullut toisenlaisessakin tarkoituksessa. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В (28) выражение *ваша воля*, переведено как *oma on tahtonne* 'ваша воля'. В словаре дается следующий перевод этого выражения: *oma (pa) on asianne, kuten haluatte*. Переводчик использовал свой вариант перевода, а именно частичный эквивалент.

- (29) - **Воля твоя**, я пойду за тобой! / - **Tee kuten tahdot**, mutta minä tulen mukaasi! (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В (29) выражение *воля твоя* было переведено как *tee kuten tahdot* 'делай как желаешь / хочешь'. Переводчик вновь использовал при переводе частичный эквивалент. В процессе перевода произошла и замена части речи. Оригинал и перевод совпадают как по смыслу, так и стилистически.

Для подведения итогов следует отметить, что переводчики использовали при переводе следующие закономерные соответствия: частичный эквивалент, вариантные соответствия, переводческие трансформации (замена части речи, антонимический перевод, конкретизация, перестановка). Что же касается стилистических сдвигов, то следует напомнить о том, что типология стилистических сдвигов не может приниматься прямолинейно. Особенно когда речь идет об усилении или об ослаблении выразительных средств. При анализе перевода не следует забывать о том, что переводился весь контекст, а не одно слово *воля*.

2.3.2. Гнев

Гнев – это чувство сильного негодования, возмущения; состояние раздражения. (БТС.) Слово можно отнести к нейтральному регистру и отметить, что оно обладает нейтрально-эмоциональной окраской. Стилистически слово характеризуется как нейтральное¹⁰.

В VSS (2000) вариантами перевода слова являются **viha**, **suuttumus**, **kiukku**. Синоним слова *гнев* – *злоба*. Если проверить обратную связь и сравнить как переводится слово *viha*, то можно заметить, что в русском языке этому слову чуть больше аналогов, чем в финском: 1. *Ненависть, вражда, гнев, злоба, злость*. Слова *viha* ‘ненависть’, *suuttumus* ‘негодование’, *kiukku* ‘злость’ относятся к нейтральному стилю речи.

- (30) Затем? А затем убил... хватил его в темя и раскроил ему череп... Ведь так, по вашему, так! - засверкал он вдруг глазами. Весь потухший было **гнев** его вдруг поднялся в его душе с необычайною силой. / -- Sitten? Sitten tietysti tapoin . . . iskin häntä päälakeen ja halkaisin kallon . . . Eikö niin, teidän käsityksenne mukaan on niin! hänen silmänsä alkoivat leimuta. Koko tukahdutettu **viha** nousi hänen sydämeensä tavattoman voimakkaana. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В большинстве случаев слово *гнев* переводится как *viha*. Мы не будем анализировать все те примеры, в которых переводчик принимал такое решение. Данный случай является типичным примером того, как переводится слово *гнев* на финский язык. Как в русском, так и в финском эти слова содержат одну и ту же информацию, и переводчик выбрал одно из вариантных соответствий для перевода слова, которое ему стилистически соответствует.

- (31) Он не договорил того, чем угрожал, но даже сын, часто выдавший его во **гневе**, вздрогнул от страху. / Hän ei sanonut loppuun mikä olisi seurauksena, mutta poikakin, joka usein oli nähnyt ukon **äkäisenä**, vavahti kauhuissaan. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (31) переводчик решил перевести существительное *гнев* прилагательным *äkäinen*, которое в переводе на русский означает *злой, сердитый*. В данном случае переводчик использовал одно из вариантных соответствий: замену части речи. В процессе перевода произошла замена существительного прилагательным. Замена была необходима и никак не повлияла на стилистические нормы и на восприятие слова.

- (32) - Клянусь, Алеша, - воскликнул он со страшным и искренним **гневом** на себя, - верь не верь, но вот как бог свят, и что Христос есть господь, клянусь, что я хоть и усмехнулся сейчас ее высшим чувствам, но знаю, что я в миллион раз ничтожнее

¹⁰ <http://gramota.ru/buro.html?gotog=76383>

душой, чем она, и что лучшие чувства ее - искренни, как у небесного ангела. / -- Aleša, minä vannon, hän huusi hirveästi ja vilpittömästi itseensä **suuttuneena**, - usko tai ole uskomatta, mutta niin totta kuin Jumala on pyhä ja Kristus on Jumala, minä vannon että vaikka nauroin Katerinan parhaille tunteille, tiedän että itse olen miljoona kertaa alhaisempi kuin hän, ja että hänen parhaat tunteensa ovat vilpittömiä kuin taivaan enkelillä! (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (32) переводчик использовал при переводе слово *suuttunut*, которое образовано от глагола *suuttua* – *сердиться, гневаться, злиться*. Здесь можно говорить о выборе переводчиком одного из вариантных соответствий и о частеречной замене отглагольного существительного глаголом. Слова функционально соответствуют друг другу.

(33) - **Гнев-с!** - подхватил штабс-капитан, - именно **гнев-с**. В маленьком существе, а великий **гнев-с**. Вы этого всего не знаете-с. Позвольте мне пояснить эту повесть особенно. / -- **Viha!** alikapteeni tarttui puheeseen, -- nimenomaan **viha**. Pieni mies, mutta suuri **viha**. Te ette vielä tiedä kaikkea. Sallikaa minun selittää tämä juttu kokonaan. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (33) *гнев* было переведено как *viha* 'ненависть'. В процессе перевода было использовано одно из вариантных соответствий. Следует отметить, что автор использует сокращение *с* при употреблении слова *гнев* (см. воля (23)). В данном случае как и в примере (23) произошла стилистическая утрата.

(34) Только что Раскольников отворил дверь на улицу, как вдруг, на самом крыльце, столкнулся с входившим Разумихиным. Оба, даже за шаг еще, не видали друг друга, так что почти головами столкнулись. Несколько времени обмеривали они один другого взглядом. Разумихин был в величайшем изумлении, но вдруг **гнев**, настоящий **гнев**, грозно засверкал в его глазах. / Tuskin Raskolnikov oli ennättänyt avata kadulle johtavan oven, kun äkkiä, keskellä kuistia oli törmätä sisään astuvaan Razumihiniin. Kumpikaan ei huomannut toistaan edes askelen päästä niin että he olivat vähällä kolauttaa päät vastatusten. Jonkin aikaa he mittailivat toisiaan katseillaan. Razumihin oli aluksi perinpohjin hämmästynyt, mutta äkkiä **suuttumus**, aito **suuttumus** välähti uhkaavana hänen silmissään. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

Переводчик «Преступления и наказания» Конкка в большинстве случаев переводит слово *гнев* словом *suuttumus*, которое в переводе на финский означает *негодование, возмущение, гнев*, поэтому и в (34) он выбрал при переводе одно из вариантных соответствий.

Подводя итог анализа слова *гнев*, следует отметить, что оно переводится

при помощи вариантных соответствий и переводческих трансформаций. Стилистически слова соответствуют друг другу..

2.3.3. *Господь (Господи)*

Согласно БТС *Господь* пишется с прописной буквы. В христианстве *Господь* – одно из имен Бога. Синонимами слова являются *Господь Бог* (=Бог); *зват. Господи*) и *зват. Боже*). Восклицания *Господи!*; *Ах ты, Господи!*; *Господи Боже мой!* выражают восторг, удивление, досаду, нетерпение и т. п. *Прости Господи* в значении вводного слова указывает на резкость высказанной оценки, суждения и т.п. *Слава тебе, Господи!* выражает удовлетворение чем-л. Слово *Господь* (Бог) может быть употреблено во всех стилях речи и словари не отмечают это слово как принадлежащее к какому-то определенному стилю речи.¹¹ Слово обладает нейтрально-эмоциональной окраской и характеризуется как нейтральное.

В русско-финском словаре (VSS 2000) *Господь* переводится как *Herra* ‘Господь’, *Jumala* ‘Бог’, а восклицания: *господи!* *Ах ты, господи!* – *heggrajestas* ‘боже мой’, *heggranen aika* ‘боже мой’; *бог знает* (ведает) – *luoja* (*jumala, herga*) *ties* ‘создатель знает’; *Слава тебе господи* – *serä huvä* ‘хорошо’, *jumalan* (*luojan*) *kiitos* ‘слава богу’. В финско-русском и русско-финском словаре религиозной лексики (СРЛ 1999) *Господь* имеет несколько переводных соответствий: *Herra, Jumala, Luoja*.

Согласно словарю современного финского языка (NS 1957) слово *Herra* ‘Господь’ пишется с прописной буквы только тогда, когда речь идет о христианском Боге: *Jumala Kaikkivalitas; Luoja; Isä; Korkein*; а со строчной буквы слово пишется в различных восклицаниях: *Voi huvä jumala; heggrajestas*. В русском языке слова *Господь, Бог, Богородица* пишутся с прописной буквы. Со строчной буквы пишутся слова *бог и господь* в выражениях междометного и оценочного характера, употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией (напр.. *ей-богу, не бог весть что, не слава богу "неблагополучно", междометия боже мой, господи и т.п.*)¹²

В примерах оригинала, *Господь* пишется со строчной буквы, что можно объяснить тем, что книги, находящиеся в корпусах из которых взяты примеры, были изданы еще в СССР.

- (35) - Тем самым и Никитушка меня утешал, в одно слово, как ты, говорил: "Неразумная ты, говорит, чего плачешь, сыночек наш, наверно теперь у **господа бога** вместе с ангелами воспевают". Говорит он это мне, а и сам плачет, вижу я, как и я же, плачет. "Знаю я, говорю, Никитушка, где ж ему и быть, коль не у **господа бога**, только здесь-то, с нами-то его теперь, Никитушка, нет, подле-то, вот как прежде сидел!" / *Nikituškakin lohduutti*

¹¹ Справочная служба русского языка. Вопрос № 80480.

¹² Справочная служба русского языка. Вопрос № 76630.

minua samalla tavalla, puhui sanasta sanaan niin kuin sinä: -- Ymmärtämätön, hän sanoi, -- miksi itket, poikamme varmaankin parhaillaan veisaa **Herran Jumalan** luona yhdessä enkeleiden kanssa. Näin hän minulle sanoo, mutta itsekin itkee, minä huomaan miten itkee, samoin kuin minäkin. Ja minä sanon: -- Tiedän kyllä, Nikituška, missä hän muualla olisi kuin **Herran Jumalan** luona, mutta kuulehan, Nikituška, hän ei ole täällä meidän kanssamme, ei istu vieressämme kuten ennen! (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (35) Достоевский использует словосочетание *Господь Бог* дважды. Перевод словосочетания: *Herra Jumala* 'Господь Бог', которое полностью ему соответствует как семантически так и стилистически и также является устоявшимся выражением в финском языке. В данном случае был найден эквивалент, что случается редко.

(36) И столь дерзновенно просят и спрашивают, что господь дает им немедленно ангельский чин. А посему, - молвил святой, - и ты радуйся, жено, а не плачь, и твой младенец теперь у **господа** в сонме ангелов его пребывает". / Ja he kysyvät ja ruutävät niin rohkeasti, että Jumala antaa heille heti enkelin arvon. Ja sen tähden sinäkin, vaimo, iloitse äläkä itke, sinunkin pienokaisesi on nyt **Jumalan** luona enkelien joukossa. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (36) слово *Господь* было переведено как *Jumala (Бог)*. В словаре также дается этот вариант перевода, поэтому в данном случае у переводчика было несколько возможностей перевода слова, но он выбрал именно это вариантное соответствие, которое полностью соответствует оригиналу. В настоящем примере переводчик сохранил стиль.

(37) Рассказчик нетерпеливо хотел рассказать всё до малейшей черточки и в то же время чтобы вышло поскорей. Но по мере показаний их записывали, а стало быть, необходимо его останавливать. Дмитрий Федорович осуждал это, но подчинялся, сердился, но пока еще добродушно. Правда, вскрикивал иногда: "*Господа*, это самого **господа бога** взбесит", или: "*Господа*, знаете ли вы, что вы только напрасно меня раздражаете?", но всё еще, восклицая это, своего дружески экспансивного настроения пока не изменял. / Kärsimättömästi kertoja halusi kertoa kaikki pienintä piirrettä myöten ja samanaikaisesti saada kerrotuksi nopeasti. Mutta kertomuksen kuluessa kaikki kirjoitettiin muistiin, ja siksi hänet pakostakin tavan takaa keskeytettiin. Dmitri Fedorovitš moitti tätä, mutta laistui, hän oli äkäinen mutta toistaiseksi hyväntahtoinen. Tosin hän väliin parahteli: -- *Herrajestas*, tähän saisi itse **Isän Jumalankin** raivostumaan, tai: -- *Hyvät herrat*, ettekö te ymmärrä, että te suotta vain ärsytätte minua? mutta näin huudellensa hän oli edelleenkin tuttavallisen avomielinen. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (37) один раз употреблено словосочетание *Господь Бог*, которое было переведено как *Isä Jumala* 'Бог Отец'. Данного перевода нет в словаре, но переводчик использовал свой вариант, который полностью передает информацию оригинала. Переводчик мог бы также использовать и прямой эквивалент *Herra Jumala* 'Господь Бог', но он решил этого не делать, а перевести словосочетание при помощи другого вариантного соответствия (аналога).

В отрывке употребляется форма звательного падежа слова жена – *жено*, которое является устаревшим. Переводчик использовал при переводе слово *vaimo*, а не, например, *nainen* 'женщина'. Слово *vaimo* употребляется в Библейском контексте и поэтому передает оттенок архаичности.

В тексте употребляется дважды слово *Господа* (*выделены курсивом*), смысл которого заключается в том, что герой романа вежливо обращается к слушателям (мужчинам). В переводе при первом упоминании обращение *Господа* переведено *Herrajestas*, а во втором случае *Huvät herrat*, хотя по контексту ясно, что в обоих случаях герой романа (Митя) обращается к слушателям. Переводчик же толковал первое *Господа*, как родительный падеж от *Господь*, то есть трактовал фразу как повтор с усилением, что также возможно, но этот вариант явно вторичный.

(38) Кончается тем, что она вымалывает у бога остановку мук на всякий год от великой пятницы до троицына дня, а грешники из ада тут же благодарят **господа** и вопиют к нему: "Прав ты, **господи**, что так судил". / Lopputuloksena on, että hän saa rukoilemalla Jumalan lakkauttamaan kärsimykset joka vuosi pitkäperjantaista helluntaipäivään ja silloin helvetissä olevat syntiset kiittävät **Herraa** ja huutavat Hänelle: -- Oikeamielinen olet Sinä, **Herra**, että olet niin tuominnut. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (38) *Господи* было переведено словом *Herra* 'Господь', которое соответствует содержанию и является его эквивалентом. СРЛ (1999) дает следующий вариант перевода соответствия: *Господи* – *Herra Jumala* 'Господь Бог'. В настоящем случае, как нам кажется, возможны оба варианта.

(39) - **Господи!** А я думала, он опять говорить хочет, - нервно воскликнула Грушенька. - Слышишь, Митя, - настойчиво прибавила она, - больше не вскакивай, а что шампанского привез, так это славно. / -- **Herranenaika!** Ja minä luulin, että hän tahtoo taas pitää puheen, Grušenka huudahti hermostuneesti. -- Kuules, Mitja, hän lisäsi itsepintaisesti, -- älä enää poukkoile, on mainio asia, että toit samppanjaa. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, Л. Пююкке.)

В (39) восклицание переведено восклицанием: *Господи* – *Herranenaika* 'Боже мой'. Точно такой же вариант дает и словарь (VSS 2000).

Восклицание можно было бы перевести и *herrajestas* 'Боже мой' и др. Из нескольких вариантов переводчик выбрал один, и в данном случае следует говорить о переводе с использованием вариантного соответствия.

- (40) - Жив? Так он жив! - завопил вдруг Митя, всплеснув руками. Всё лицо его просияло. - **Господи**, благодарю тебя за величайшее чудо, содеянное тобою мне, грешному и злодею, по молитве моей!.. Да, да, это по молитве моей, я молился всю ночь!.. - и он три раза перекрестился. / -- Onko hän hengissä! Hän on siis elossa! Mitja parkaisi äkkiä lyöden käsiään yhteen. Hänen kasvonsa alkoivat loistaa. -- **Hyvä Jumala**, kiitän Sinua suurimmasta ihmeestä, minkä olet tehnyt minulle syntiselle ja konnalle, rukoukseni mukaan ! . . Niin, niin, sen vuoksi että olen rukoillut, minä rukoilin kaiken yötä ! . . ja hän teki ristinmerkin kolme kertaa. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (40) слово *Gospodi* переведено словосочетанием *Hyvä Jumala* 'Боже правый'. Переводчик мог бы просто перевести слово как *Jumala* 'Господи', но он решил придать слову колорит. При переводе был применен прием перевода с использованием вариантных соответствий и намеренно добавлено слово, которое придало переводу определенный оттенок. В данном примере произошел стилистический сдвиг: стилистическое усиление.

- (41) - У меня-то сердце лучше головы? **Господи**, да еще кто это говорит? Иван, любишь ты Алешку? / -- Sydänkö minulla parempi kuin pää? **Hyvä Luoja**, ja kuka tämän sanoo? Ivan, rakastatko sinä Aleskaa? (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (41) слово *Gospodi* переведено словосочетанием *Hyvä Luoja* 'Боже правый'. Из нескольких вариантных соответствий было выбрано одно, которого не дает словарь, и к слову *Luoja* 'Творец' было добавлено слово *hyvä* 'хороший', что необходимо было сделать, так как добавления такого рода практически, необходимы при переводе восклицаний на финский язык. В данном случае вновь можно говорить о стилистическом эквиваленте.

- (42) - Так умер старец Зосима! - воскликнула Грушенька. - **Господи**, а я того и не знала! - Она набожно перекрестилась. - **Господи**, да что же я, а я-то у него на коленках теперь сижу! - вскинулась она вдруг как в испуге, мигом соскочила с колен и пересела на диван. / -- Onko luostarinvanhin Zosima kuollut! Grušenka huudahti. -- **Herra Jumala**, minä en ole kuullutkaan! Hän teki hartaasti ristinmerkin. -- **Herrajestas**, mitä minä oikein teen, minähän istun Alešan sylissä! hän huudahti pelästyksissään, hyppäsi oikopäätä pois Alešan sylistä ja istuutui sohvaan. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (42) в обоих случаях *Gospodi* является вводным словом, как и в предыдущем седьмом примере. И здесь слово переведено словосочетанием. В первом случае, слово Господи переведено как *Herra Jumala* ‘Боже мой’, а во втором как *Herrajestas* ‘Боже мой’. Переводчик мог бы использовать и в первом примере выражение *Herrajestas* или любое другое вариантное соответствие. Оба случая можно считать стилистическими эквивалентами.

(43) Когда он вышел за ограду скита, чтобы поспеть в монастырь к началу обеда у игумена (конечно, чтобы только прислужить за столом), у него вдруг больно сжалось сердце, и он остановился на месте: перед ним как бы снова прозвучали слова старца, предрекавшего столь близкую кончину свою. Что предрекал, да еще с такою точностию, старец, то должно было случиться несомненно, Алеша веровал тому свято. Но как же он останется без него, как же будет он не видеть его, не слышать его? И куда он пойдет? Велит не плакать и идти из монастыря, **господи!** / Kun hän oli tullut erakkomajan aitauksesta ehtiäkseen luostariin igumenin luo päivällisen alkuun (tietenkin vain palvelemaan pöydässä), hänen sydäntään rupesi äkkiä ahdistamaan kipeästi ja hän pysähtyi. Hänen korvissaan ikään kuin olisivat kaikuneet luostarinvanhimman sanat uudestaan, kun tämä oli ennustanut loppunsa olevan lähellä. Sen mitä vanhus oli ennustanut, vieläpä niin täsmällisesti, täytyi ehdottomasti tapahtua. Aleša uskoi sen pyhästi. Mutta miten hän voi olla ilman vanhusta, miten hän voi elää näkemättä tätä, kuulematta tätä? Ja mihin hän lähtisi. Vanhus käski, ettei häntä saanut itkeä, oli lähdettävä pois luostarista, **voi hyvä Jumala!** (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (43) *Gospodi* переведено – *voi hyvä Jumala!* ‘О, Боже правый’. Слово вновь переведено словосочетанием. Восклицание переведено восклицанием и переводчик выбрал вариантное соответствие, которое наилучшим способом передает мысли автора и указывается в словаре (VSS 2000), поэтому оно и стилистически соответствует оригиналу.

(44) - Ну вот и славно! - сказал он Соне, возвращаясь к себе и ясно посмотрев на нее, - упокой **господь** мертвых, а живым еще жить! Так ли? Так ли? / - No niin, nyt on kaikki hyvin, sanoi Raskolnikov Sonjalle palattuaan huoneeseensa ja luotuaan tyttöön kirkkaan katseen. - Suokoon **Jumala** rauhan kuolleille, mutta meidän elävien on vielä eletävä! Eikö niin? Eikö niin? (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В (44) переводчик использует слово *Jumala* ‘Господь’, которое дано в словаре, и которое является одним из вариантных соответствий, а также стилистически соответствует оригиналу (стилистический эквивалент).

(45) - Нет Родион Романыч, не ошибаюсь. Черточку такую имею. Черточку-то эту я и тогда ведь нашел-с; послал **господь!** / - En, Rodion Romanytš, en erehdy. Minulla on kiinnekohta. Tuon

kiinnekohdan minä löysin silloin, **Luoja** lähetti sen! (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В последнем примере (45) слово *Господь* переведено словом *Luoja* 'Творец', 'Создатель', которое является одним из многочисленных вариантных соответствий. Стилистически слова также соответствуют друг другу.

Подводя итоги анализа слова, следует отметить, что слово *Господь* (*Господи*) имеет в финском языке эквивалент (полное соответствие) и множество вариантных соответствий (аналогов), поэтому это слово было переведено как с использованием эквивалента, так и с использованием вариантных соответствий. Стилистически слово *Господь* также соответствует финским вариантам, поэтому практически во всех примерах была достигнута как семантическая, так и стилистическая эквивалентность.

2.3.4. Образ

Образ – это тоже что *икона* (БТС). *Образ* относится к возвышенному регистру, имеет нейтрально-эмоциональную окраску и является стилистически нейтральным.

Согласно VSS (2000), *образ* переводится как *ikoni* 'икона', *pyhäinkuva* 'икона'. В СРЛ (1999) *образ* это *ikoni*, *jumalankuva* 'изображение Бога', *pyhäinkuva* 'изображение святого', *pyhimyksenkuva*. Значения слов как в русском, так и в финском языках совпадают, и перевод может быть осуществлен при помощи вариантных соответствий. Согласно NS (1957), *ikoni* – это название изображений Христа, Богородицы, апостолов и святых, используемое в кругу православной церкви. *Pyhä kuva* – это изображение святого, к которому проявляют уважение – *икона*.

(46) Свидригайлов знал эту девочку; ни **образа**, ни зажженных свечей не было у этого гроба и не слышно было молитв. Эта девочка была самоубийца - утопленница. / Svidrigailov tunsu tuon tytön; arkulla ei ollut sytytettyjä kynttilöitä eikä **ikonina** eikä kuulunut rukousten hyminääkään. Tuo tyttö oli tehnyt itsemurhan - hukuttautunut. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В произведении «Преступление и наказание» слово *образ* во всех случаях переводится словом *ikoni*. В данном примере (46), переводчик выбрал один из двух имеющихся в словаре вариантов, вариантных соответствий. В настоящем случае можно говорить о стилистическом соответствии.

(47) Видите, как я всё обдумала, одного только не могу придумать что подумаете вы обо мне, когда прочтете? Я всё смеюсь и шалю, я давеча вас рассердила, но уверяю вас, что сейчас, пред тем как взяла перо, я помолилась на **образ богородицы**, да и теперь молюсь и чуть не плачу. / Huomaatteko miten olen

harkinnut kaiken, yhtä vain en osaa keksiä: mitä te ajattelette minusta, kun olette lukenut tämän? Minä aina naureskelen ja kujeilen, äsken suututin teidät, mutta vakuutan teille, että ennen kuin tartuin kynään, minä rukoilin **jumalanäidin kuvan** edessä ja parhaillaankin rukoilen, vähältä pitää etten itke. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

Настоящий пример (47), а также все последующие примеры, были взяты из романа «Братья Карамазовы». В данном случае в оригинале идет речь об *образе Богородицы*. Словосочетание переведено как *jumalanäidin kuva*, которое как по содержанию, так и по стилю соответствует оригиналу. В финском это словосочетание является устоявшимся, и вряд ли его можно было бы перевести иначе. С другой стороны в данном случае нельзя говорить об эквиваленте, потому что слово *образ* имеет несколько значений, например, «он увидел образ Богородицы» в ином контексте можно трактовать иначе, а именно «ему грезилась, показалась Богородица».

(48) Думаю, дай-ка выбью я из нее эту мистику! "Видишь, говорю, видишь, вот твой **образ**, вот он, вот я его сниму. Смотри же, ты его за чудотворный считаешь, а я вот сейчас на него при тебе плюну, и мне ничего за это не будет!.. / Ajattelin, annapa kun riistän hänen päästään tuon mystiikan! Sanoin: -- Näetkö, näetkö tämän **jumalankuvasi** tässä, minä otan sen alas. Katsos nyt, sinä uskot sen ihmeitätekevään voimaan, mutta minä sylkäisen siihen sinun edessäsi eikä siitä seuraa minulle sen enempää! . . (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (48) слово *образ* переведено словом *jumalankuva*, которому в русском языке соответствуют слова *образ, икона; идол, кумир*. Следует отметить, что существительные *образ* и *икона* употребляются только тогда, когда речь идет о христианских святых, а *идол* и *кумир* – в тех случаях, когда речь идет о языческих богах и т. д. Переводчик не воспользовался двумя вариантными соответствиями, предлагаемыми словарем, а использовал свой вариант, который передает ту же самую информацию, что и слова в словаре. Слова соответствуют друг другу как в функциональном, так и в структурном смысле.

(49) Точно так было и с ним: он запомнил один вечер, летний, тихий, открытое окно, косые лучи заходящего солнца (косые-то лучи и запомнились всего более), в комнате в углу **образ**, пред ним зажженную лампадку, а перед образом на коленях рыдающую как в истерике, со взвизгиваниями и вскрикиваниями, мать свою, схватившую его в обе руки, обнявшую его крепко до боли и молящую за него богородицу, протягивающую его из объятий своих обеими руками к **образу** как бы под покров богородице... и вдруг вбегает нянька и вырывает его у нее в испуге. / Hän

muisti yhden kesäisen, hiljaisen illan, ikkuna oli auki, laskeva aurinko loi vinoja säteitään (erityisesti vinot auringonsäteet olivat jääneet mieleen). Huoneen nurkassa on **ikoni**, sen edessä sytytetty lampukka, ikonin edessä on polvillaan hänen äitinsä, joka itkee hillittömästi kuin hysterian vallassa, vingahdellen ja parahdellen, äiti on tarttunut häneen molemmin käsin ja syleilee niin lujasti, että tekee kipeää, rukoilee Jumalanäitiä hänen puolestaan, ojentaa häntä molemmin käsin **jumalankuvaa** kohti ikään kuin antaisi hänet Jumalanäidin suojelukseen ... ja äkkiä juoksee huoneeseen njanja, lastenhoitaja, tempaa hänet äidiltä pelästyneenä. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (49) слово *образ* употребляется дважды. В первом случае переводчик перевел его словом *ikoni*, а во втором случае словом *jumalankuva*. Как упоминалось ранее, первый вариант дан в словаре, а второй предложен переводчиком. Варианты являются синонимами и поэтому в настоящем примере переводчик использовал при переводе варианты соответствия, которые стилистически соответствуют оригиналу.

(50) Слыхали вы о старце Зосиме?.. А впрочем, я не знаю, что говорю... И представьте, ведь он и с **образком** на шее в меня плюнул... Конечно, только плюнул, а не убил, и... и вон куда поскакал! Но куда ж мы-то, нам-то теперь куда, как вы думаете? / Oletteko kuullut luostarinvanhin Zosimasta ? . . Minä en muuten tiedä mitä sanoa ... Ja kuvitelkaa, hän sylki päälleni, vaikka hänellä oli **pyhäinkuva** kaulassaan . . . Niin tietenkin vain sylki eikä tappanut, mutta . . .-ja mihin sitten riensikään! Mutta mihin me nyt, mihin meidän olisi mentävä, mitä arvelette? (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (50) употреблено слово *образок*, которое согласно БТС означает *небольшой образ* и в русско-финском словаре предлагается тот же вариант, что и для слова *образ*. В оригинале говорится о том, что *образок* одевается на шею и русскоязычный читатель сразу понимает, о чем идет речь. В Финляндии большинство населения относится к лютеранской церкви, догмы которой не принимают икон. В настоящем случае, при первом упоминании слова *образок*, следовало бы использовать прием «расширения информационной структуры». На наш взгляд, для финского читателя можно было бы уточнить, что такое *образок* переведя это слово, например, как *ikoniriipus*. Далее, трудность с которой столкнулся переводчик – уменьшительный суффикс –ок, который в данном случае указывает на размер образа. При переводе было использовано одно из вариантных соответствий, которого нет в словаре. Несмотря на это, как нам кажется, в настоящем примере была не совсем верно передана содержащаяся в слове *образок* информация, поэтому перевод стилистически ослаблен.

- (51) И она действительно накинула ему **образок** на шею и стала было вправлять его. Митя в большом смущении принагнулся и стал ей помогать и наконец вправил себе **образок** чрез галстук и ворот рубашки на грудь. / Ja hän pani tosiaankin **pyhäinkuvan** Mitjan kaulaan ja pani sen paikoilleen. Mitja kumartui suuresti hämillään ja alkoi auttaa häntä ja sai lopulta työnnetyksi **kuvan** kaulaliinan ja paidankauluksen taakse rintaansa vasten. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (51) примере вновь идет речь об *образке*. В оригинале это слово употребляется дважды и в первом случае переведено словом *pyhäinkuva*, а во втором – словом *kuva*. Если бы переводчик при первом упоминании этого слова в тексте перевел его так, как нами было предложено в предыдущем примере, то впоследствии не нужно бы было объяснять, что такое *образок*, хотя, как в предыдущем так и в настоящем примерах, читателю станет ясно, что имеется в виду *небольшая икона*, так как ее одевают на шею. Как указывалось ранее, *pyhäinkuva* – это *образ*. *Pyhäinkuva* – сложное слово, которое состоит из двух частей: *pyhä* (‘святой, священный’) и *kuva* (‘изображение’). Таким образом, переводчик при повторении этого слова в оригинале заменил его синонимом, так как читателю уже стало ясно, что речь идет не просто об *изображении*, а об *иконе*.

В заключение анализа слова следует отметить, что слово *образ* в значении ‘икона’ однозначное, и переводится на финский при помощи вариантных соответствий. Слово *образок* – не имеет аналога в финском языке, кроме предложенного нами *ikoniriipus*. Мы считаем, что при переводе этого слова для внесения ясности следует расширить информационную структуру слова.

Далее будут проанализированы слова *воистину* и *истина*, которые относятся к высокому стилю речи и употребляются, как правило, в письменной речи.

2.3.5. Воистину

БТС дает следующие объяснения слова: 1. (наречие) *в самом деле, поистине, действительно*. 2. (вводное слово) выражает уверенность; *действительно, безусловно*. Слово относится к возвышенному регистру и имеет нейтрально-эмоциональную окраску. Как правило, *воистину* употребляется в письменной речи, поэтому стилистически характеризуется как книжное.

В русско-финском словаре соответствие слова - (adv.) *ylät*. ‘возвышенный’ **totisesti** ‘**воистину**’. В словаре Suomen kielen perussanakirja говорится о том, что слово *totisesti* имеет три значения: 1. *totinen* ‘серьезный’; 2. *toden totta* ‘по правде говоря’, *todellakin* ‘действительно’, *totta tosiaan* ‘по правде говоря’; 3. *heng. vahvistussana* - в религиозном

контексте. В данном случае можно говорить о совпадении слов как по значению так и стилистически.

- (52) Но вот что дивно: читал я тогда и книги, и даже с большим удовольствием; Библию же одну никогда почти в то время не развертывал, но никогда и не расставался с нею, а возил ее повсюду с собой: **воистину** берег эту книгу, сам того не ведая, "на день и час, на месяц и год". / *Mutta kummallista kyllä, minä lueskelin silloin kirjojakin, vieläpä varsin suurella mielihyvällä. Vain Raamattua en siihen aikaan juuri milloinkaan aukaissut, mutta en myöskään milloinkaan siitä eronnut, vaan kuljetin sitä mukanaani kaikkialla: **totisesti** minä säilytin sitä kirjaa tietämättä "päivää, hetkeä, kuukautta tai vuotta".* (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

Данный отрывок из текста (52) принадлежит старцу Зосиме, который в своей речи часто употребляет слова, относящиеся к религии. В настоящем случае переводчик использовал частичный эквивалент и перевел слово так, как оно было переведено в словаре: *воистину* – *totisesti*. В финском языке слово *totisesti* употребляется, как правило, в Библейском контексте, и поэтому стилистически соответствует слову *воистину*. Выражение «на день на час, на месяц и год», было переведено следующим образом: "*päivää, hetkeä, kuukautta tai vuotta*". Это выражение выделено кавычками, так как является цитатой из Библии: «Шестой Ангел вострубил... и освобождены были четыре Ангела, приготовленные **на час и день, и месяц, и год** для того, чтобы умертвить третью часть людей» (Откр.9,13,15). Вариант на финском языке звучит следующим образом: «Ja kuudes enkeli puhalsi rasunaan...Silloin päästettiin ne neljä enkeliä, jotka **hetkelleen, päivälleen, kuukaudelleen ja vuodelleen** olivat valmiina tappamaan kolmannen osan ihmisistä» (Пм. 9:13,15.) Переводчик, вероятно, не заметил, что это цитата, и не заглянул в Библию.

- (53) А ведь мне тебя жаль, Алеша, **воистину**, веришь ли, я тебя полюбил... Впрочем, вот удобный случай: помолишься за нас, грешных, слишком мы уж, сидя здесь, нагрелись. Я все помышлял о том: кто это за меня когда-нибудь помолится? / *Mutta minun on sääli sinua, Aleša, **toden totta**, uskotko, että rakastan sinua . . . Mutta toisaalta sopii hyvin. Voit rukoilla meidän syntisten puolesta, paljon sitä on tässä tullut syntiä tehdyksikin. Olenkin joskus miettinyt kukahan mahtaisi rukoilla minun puolestani?* (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (53) *воистину* является вводным словом. Переводчик выбрал свой вариант из нескольких вариантных соответствий для перевода слова, и перевел *воистину* оборотом *toden totta*, которое верно передает информацию, содержащуюся в слове *воистину*.

- (54) Но что сие сравнительно с вами, великий отче, - ободрившись, прибавил монашек, - ибо и круглый год, даже и во святую пасху, лишь хлебом с водою питаетесь, и что у нас хлеба на два дня, то у вас на всю седмицу идет. **Воистину** дивно такое великое воздержание ваше. / Mutta mitä se on verrattuna teihin, suuri isä, munkki lisäsi rohkaistuneena, -- sillä te nautitte ympäri vuoden samoin kuin pyhänä pääsiäisenäkin ainoastaan leipää ja vettä, ja se määrä leipää, minkä me syömme kahdessa päivässä, riittää teille kokonaiseksi viikoksi. Teidän suurenmoinen kohtuudessa pუსymisenne on **todellakin** ihmeellistä. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (54) *воистину* переведено словом *todellakin*, которое, как и в предыдущем примере, соответствует оригиналу по содержанию. Следует отметить, что переводчик использовал вариант, не встречающийся в русско-финском словаре, но который дан в словаре современного финского языка Suomen kielen perussanakirja, поэтому в данном случае переводчик осуществил перевод с помощью вариантного соответствия. Далее, при переводе была сделана перестановка: в оригинале слово *воистину* стоит в начале предложения, а в переводе – почти в конце, что не влияет на восприятие перевода. Как нам кажется, переводчик не учел того, что в оригинале встречаются и другие устаревшие слова: *сие*, *отче*, *ибо*, которые переведены нейтральными словами: *se* 'это', *isä* 'отец', *sillä* 'так как'. При выполнении перевода это не было учтено, поэтому произошла стилистическая утрата, так как переводчик нейтрализовал текст.

- (55) - Ничего не бойся, и никогда не бойся, и не тоскуй. Только бы покаяние не оскудевало в тебе - и все бог простит. Да и греха такого нет и не может быть на всей земле, какого бы не простил господь **воистину** кающемуся. Да и совершить не может совсем такого греха великого человек, который бы истощил бесконечную божью любовь. Али может быть такой грех, чтобы превысил божью любовь? О покаянии лишь заботься, непрестанном, а боязнь отгони вовсе. / -- Älä pelkää mitään, äläkä pelkää milloinkaan ja älä myöskään murehdi. Kunhan et niukenna katumustasi -- Jumala antaa kaiken anteeksi. Maan päällä ei ole, eikä voi olla sellaista syntiä, jota Jumala ei antaisi anteeksi **vilpittömästi** katuvälle. Ihminen ei voi edes tehdä niin suurta syntiä, että se kuluttaisi loppuun Jumalan rajattoman rakkauden. Vai voiko olla sellaista syntiä, että se olisi suurempi kuin Jumalan rakkaus? Huolehdi lakkaamatta katumuksestasi ja karkoita pelkosi kokonaan. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (55) *воистину* переведено словом *vilpittömästi*, которое в переводе на русский означает *искренно*, *бесхитростно*, *честно* и др. Переводчик использовал свой вариант перевода, которого нет и не может быть в словаре, так как двуязычный словарь нельзя назвать «лучшим другом переводчика», потому что он не предусматривает все варианты перевода слова. В данном примере следует говорить о достижении переводчиком

полноценности перевода, так как в данном контексте *воистину* означает «искренне». *Vilpittömästi katuva* – устоявшееся словосочетание, которое является контекстуальным соответствием оригинала.

- (56) Эти обе бабы, то есть Агафья и тетка ее, скажу вперед, оказались во всей этой истории чистыми ангелами, а сестру эту, гордячку, Катю, **воистину** обожали, принижали себя пред нею, горничными ее были.... / Nuo molemmat akat, Agafja ja tämän täti, sen sanon jo etukäteen, olivat koko jutun kestäessä todellisia enkeleitä, jumaloivat tuota tuittupäätä tyttöä, Katjaa, alentuivat tämän edessä, olivat palvelijoita... (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (56) переводчик опустил слово *воистину*, наверное потому что решил, что оно не имеет особого значения. Слово *обожать* переведено словом *jumaloida*, которое в переводе на русский означает *обоготворять*, *обожать*. Поскольку слово *jumaloida* содержит в себе не только *обожание*, но и *обоготворение*, возможно, переводчик подумал, что *воистину обожать* это то же, что *боготворить*, поэтому повтор здесь излишен, а пропуск и замена подобного рода обоснованны. В данном случае переводчик полноценно передал оригинал.

- (57) Обыкновенный мальчик, слабый сын, - тот бы смирился, отца своего застыдился, а этот один против всех восстал за отца. За отца и **воистину-с**, за правду-с. Ибо что он тогда вынес, как вашему братцу руки целовал и кричал: "Простите папочку, простите папочку", - то это только бог один знает да я-с. / Tavallinen nulikka, heikko poikanen, -- olisi heti nöyrytnyt, hävennyt isäänsä, mutta tämä nousi yksin isänsä puolesta kaikkia vastaan. Isän puolesta ja **totuuden puolesta**, oikeuden puolesta. Sillä mitä hän silloin sai kestää, kun suuteli veljensä kättä ja huusi tälle: "Antakaa anteeksi isälle, antakaa anteeksi isälle", sen tietää vain Jumala ja minä. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (57) Достоевский использует со словом *воистину с* (см. воля (23), *Воистину-с* переведено как *totuuden puolesta*, хотя речь идет не совсем об этом. Предложение можно было перевести как *Isän puolesta ja totisesti oikeuden puolesta*. По-фински *правда* – *totuus*, но перевод *totisesti totuuden puolesta* – это тоже что *воистину за истину* и поэтому слово *oikeus* (справедливость) является наиболее благоприятным вариантом для перевода. В настоящем примере, переводчик не совсем верно трактовал, в каком значении используется слово *воистину*, поэтому перевод не совсем соответствует оригиналу. В процессе перевода произошло стилистическое ослабление, так как *с* передать не удалось.

Как указывалось ранее, слово *воистину* имеет в финском языке частичный эквивалент *totisesti*, но это не значит что *воистину* переводится лишь одним способом. При переводе были использованы как частичный эквивалент, так и варианты соответствия, переводческие трансформации

(замена), а иногда и собственный вариант переводчика, при помощи которого достигалась полноценность перевода.

2.3.6. Истина

Слово является многозначным: 1. *Правда*. 2. филос. *Верное отражение объективной действительности в сознании человека*. 3. *Утверждение, суждение*, проверенное практикой, опытом (БТС). Следует добавить, что слова *истина* и *правда* являются полными синонимами в значении "то, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей"¹³. Слова все же различаются как стилистически, так и семантически.

Слово *истина* относится к возвышенному регистру и имеет эмоционально-нейтральную окраску. Стилистически слово характеризуется как книжное.

SVS (2001) дает три перевода слова *истина*: 1. *totuus* 'правда', 'истина', *todellisuus* 'действительность', 'истинность'. 2. *fil. totuus*. 3. *totuus, tosiasia* 'факт'. СРЛ имеет два варианта перевода слова: *totuus, tosi*. NS предлагает следующее объяснение слова *totuus*: 1. *se, että jk. on tosi, totta* 'то, что что-то правда'; 2. *se, mikä on totta tai varmaa, vastaa asioiden todellista laitaa jne.* 'то что правда или в чем есть уверенность, соответствует реальному положению вещей' Все анализируемые нами ниже примеры были взяты из романа «Братья Карамазовы», так как в произведениях «Записки из подполья» и «Преступление и наказание» слово *истина* во всех случаях переводилась словом *totuus* 'истина', поэтому с точки зрения перевода примеры из этих романов не представляют собой интереса.

(58) - Да ведь коль эта **истина** воссияет, так вас же первого сначала ограбят, а потом... упразднят. / -- Jos tämä **totuus** pääsee loistamaan, niin teidät ryöstetään ensimmäisten joukossa, ja sitten . . . hävitetään. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (58) слово *истина* переведено словом *totuus*, которое соответствует варианту, данному в русско-финском словаре. Переводчик точно передал содержание слова. Как было сказано ранее, в переводе на русский слово *totuus* означает: *правда, истина*, и хотя слово *totuus* употребляется также в разговорной речи, в значении «правда», в русском *истина* употребляется больше в письменной речи и в религиозном контексте, поэтому здесь можно говорить о частичном соответствии значений этих двух слов. Так например, цитата из Библии: «И познаете *истину*, и *истина* сделает вас свободными» (Ин. 8, 32) на финском звучит следующим образом: «ja te tulette tuntemaan *totuuden*, ja *totuus* on tekevä teidät vapaiksi» (Joh. 8: 32). Как

¹³ *Справочная служба русского языка. Вопрос № 76194*

мы видим, *истина* в религиозном контексте переводится словом *totuus*. В данном примере можно говорить как о нахождении частичного эквивалента, так и о использовании в процессе перевода вариантного соответствия. Возможно, что слово *totuus* является если не полным, то по крайней мере, частичным стилистическим эквивалентом слова *истина*.

(59) - Да ведь все **правда**, неотразимая **истина!** / -- Mutta kaikkihan oli **totta**, vääjäämätöntä **totuutta!** (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (59) также как и в предыдущем (58), слово *истина* переведено словом *totuus*. В финском языке существует аналог слову *правда* – *tosі*. В NS это слово имеет следующие значения: 1. adv. 'наречие' *melko harv. todella* 'действительно', *tosiaan* 'в самом деле' (kin); 2. ilmaisemassa arvelua: *kaipa, luultavasti, kaiketi*; 'при выражении предположения: наверное, вероятно' 3. eri yhteyksissä vahvistavana (*totta kai, tietysti* jne.) 'иногда в роли подтверждения (конечно, разумеется).' В оригинале автор говорит в общем, что «*все правда*», а далее конкретизирует, что не просто *правда*, а «*истина*». Также и в финском варианте переводчик следует примеру автора и передает верно как информацию, так и стиль. Хотя слова *totuus* и *tosі* являются однокоренными, они имеют разные стилистические оттенки. В примере при переводе использовался как частичный эквивалент, так и вариантное соответствие.

(60) Правда, некоторые, вначале немногие, а потом все больше и больше, стали **веровать в истину его показаний** и очень начали посещать меня и расспрашивать с большим любопытством и радостью: ибо любит человек падение праведного и позор его. / Tosin jotkut, aluksi vain muutamat, mutta sittemmin yhä useammat alkoivat **uskoa hänen selityksiään** ja alkoivat käydä minun luonani ja kysellä uteliaina ja halukkaasti: sillä ihminen näkee mielellään vanhurskaan lankeemuksen ja hänen häpeänsä. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (60) переводчик опустил слово *истина* и перевел словосочетание *веровать в истину его показаний* – *uskoa hänen selityksiään* 'верить его объяснениям'. Трудно сказать, можно ли назвать слово *истина* в данном контексте избыточным, но в настоящем примере его можно было бы и сохранить, так как без него текст теряет стилистическую окраску и приводит к стилистической утрате.

(61) - Что ж, обратил грешницу? - злобно засмеялся он Алеше. - Блудницу на **путь истины** обратил? Семь бесов изгнал, а? / -- No, saitko syntisen käännetyksi? hän naurahti ilkeästi Alešalle. -- Palautit porton **kaidalle tielle**? Seitsemän pirua ajoit tiehensä, vai? (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (61) слово *истина* употреблено в словосочетании *путь истины* и переведено словосочетанием *kaita tie* 'узкий' путь. Оба выражения являются устоявшимися в исходных языках. В финский язык это выражение пришло из Библии «*mutta se portti on ahdas ja tie kaita, joka vie elämään, ja harvat ne, jotka sen löytävät.*» (Matt. 7:14). На русском этот же стих звучит следующим образом: «*Потому тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их.*» (Мат. 7, 14). Исходя из этого, становится очевидным, что выражения не являются полными соответствиями, но *узкий путь* имеет тоже значение что и *путь истины*, поэтому в данном случае переводчик нашел соответствие оригинала в языке перевода, и поэтому можно говорить об эквиваленте. Рассматривая стилистические нюансы, следует отметить, что при переводе произошел стилистический сдвиг, стилистическая субституция.

В заключение хотелось бы добавить, что в процессе перевода слова *истина* были использованы вариантные соответствия, переводческие трансформации (опущение) и был найден частичный эквивалент.

Согласно Бахтину (1979: 291), Достоевский использует в своих произведениях «житейные слова», (старец Зосима), которые в какой-то мере подчинены тону церковно-житийного или церковно-исповедального стиля. Выбранные нами старославянизмы: *буди, буди, изрекать, инок, старец* (в значении монах) и *тварь* являются устаревшими, принадлежат к пассивному словарному запасу языка,¹⁴ и в какой-то мере, расцениваются как «житийные слова».

2.3.7. Буди, буди

Буди, буди – форма, которую можно отнести к архаической лексике по следующим причинам: она не употребляется в повседневной устной речи; в Толковом словаре русского языка (БТС) нет ее объяснения, и она не встречается в русско-финском словаре (VSS). Полный церковно-славянский словарь (1899) дает очень краткое объяснение формы: *буди, буди – истинно* (Псал. 31, 9). Справочная служба русского языка (вопрос № 76140) дала такое объяснение: «*Буди* - форма глагола *быть*; значение - "пусть будет (так)", "да будет (так)". Форма относится в возвышенному регистру, является эмоционально-нейтральной и относится к книжной стилистической категории.

Во всех пяти примерах *буди, буди* было переведено как *niin tapahtuoon, niin tapahtuoon*, что в переводе на русский означает *да будет так, да будет так*.

¹⁴ слова, вышедшие из повседневного употребления и получившие архаическую окраску (Розенталь 1997: 75)

(62) - **Буди, буди!** - благоговейно и сурово подтвердил отец Паисий.
/ - **Niin tapahtukoon, niin tapahtukoon!** isä Paisi vakuutti hartaasti ja vakavana. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

(63) **БУДИ, БУДИ!** / **NIIN TAPAHTUKOON, NIIN TAPAHTUKOON!**
(Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

Перед нами два изолированных от текста примера (62, 63). Как в первом, так и во втором случаях, перевод полностью передает смысл оригинала. Как указывалось ранее, *буди* является устаревшей формой, а слово *tapahtua* – входит в состав современного финского языка и употребляется повседневно. Из этого следует, что перевод является верным и точным, хотя стилистические особенности, передать не удалось, поэтому в данном случае произошло стилистическое ослабление или даже утрата.

(64) Были бы братья, будет и братство, а раньше братства никогда не разделятся. Образ Христов храним, и воссияет как драгоценный алмаз всему миру... **Буди, буди!** / Jos olisi veljiä, olisi myös veljeyttä, mutta ennen sitä ei omaisuutta milloinkaan jaeta. Me säilytämme Krituksen kuvan ja se loistaa kuin kallis timantti kaikelle maailmalle. **Niin tapahtukoon, niin tapahtukoon!** (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (64) как и в предыдущих *буди, буди* переведено *niin tapahtukoon, niin tapahtukoon*, которое передает настроение текста и поэтому перевод является адекватным по отношению ко всему тексту. Что же касается стилистических норм, то вновь приходится говорить о стилистическом ослаблении.

(65) **Сие и буди, буди,** хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено совершиться! И нечего смущать себя временами и сроками, ибо тайна времен и сроков в мудрости Божией, в предвидении его и в любви его. И что по его расчету человеческому может быть еще и весьма отдаленно, то по предопределению Божьему, может быть, уже стоит накануне своего появления, при дверях. Сие последнее **буди, буди.** / **Niin myös tapahtukoon, niin tapahtukoon,** vaikkapa vasta aikojen lopussa, sillä ainoastaan niin on määrätty tapahtuvaksi! Eikä ole suytä olla huolissaan ajoista ja määrähetskistä, sillä ajat ja hetket määrää Jumalan viisaus. Hänen kaikkitietäväisyytensä ja Hänen rakkautensa. Ja mikä inhimillisen arvion mukaan kenties on vielä hyvinkin kaukana, se saattaa Jumalan ennaltamääräyksen mukaan olla toteutumisen aaton edessä, aivan ovella. Tämä viimeksimainittu myös **tapahtukoon, niin tapahtukoon.** (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (65) Достоевский вкладывает в уста одного из своих героев *буди, буди* в начале и в конце фразы. Данный случай напоминает предыдущий пример, в котором ревностно говорится о Христе. В настоящем примере речь идет о

втором пришествии Христа, которому «хотя бы и в конце веков, ибо лишь сему предназначено свершиться!», поэтому словосочетание "niin tarahitukoon, niin tarahitukoon" с точностью передает информацию, заложенную автором. Несмотря на это, стилистически перевод является ослабленным.

Из вышеуказанных примеров становится ясно, что переводчик трактовал *буди, буди* совершенно верно. В четвертом примере такие слова, как *сие, ибо, при* дверях и др. составляют определенный стилистический пласт, образованный из старославянизмов, который, к сожалению, не отражается в переводе.

2.3.8. *Есмь*

Есмь – это старославянская и древнерусская форма 1-го лица единственного числа настоящего времени глагола *быть*. В современном русском языке для всех лиц используется одна и та же форма – *есть*. *Есмь* является устаревшей формой, и ей нет объяснения толковом словаре русского языка БТС, так как словоформы в словники словаря не включаются. Следует отметить, что уже во времена Достоевского эта форма считалась устаревшей и «нормально употреблялась только в церковнославянском языке»¹⁵

Форма *есмь* относится к возвышенному регистру и имеет нейтрально-эмоциональную окраску. Стилистически *есмь* является книжной.

В русско-финском словаре нет и не может быть перевода формы *есмь*, что совершенно очевидно, так как это форма глагола *быть*.

(66) - Поган **есмь**, а не свят. В кресла не сяду и не восхошу себе аки идолу поклонения! - загремел отец Ферапонт. - Ныне людие веру святую губят. Покойник, святой-то ваш, - обернулся он к толпе, указывая перстом на гроб, - чертей отвергал. Пурганцу от чертей давал. Вот они и развелись у вас, как пауки по углам. / -- Pakana **olen**, en pyhä. En mene istumaan nojatuoliin enkä vaadi kumartamaan itseäni niin kuin epäjumalaa! isä Ferapont jyrisi. -- Nykyään ihmiset hävittävät pyhän uskon. Vainaja, teidän pyhä miehonne, hän kääntyi joukon puoleen osoittaen ruumisarkkua, -- kielsi pirujen olemassaolon. Vapautti piruista ulostuslääkkeellä. Siitähän ne rupesivat oikein sikiämään teillä ja nyt niitä vilisee teillä joka nurkassa kuin hämähäkkejä. Ja tänään hän alkoi itekin haista. Siinä näemme Jumalan suuren neuvon. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

Форма *есмь* была переведена формой *olen*, которая полностью передает смысл оригинала. Возможно, лет 300 назад, *есмь* считалась бы полным эквивалентом *olen*, но в настоящее время такой возможности больше не

¹⁵ Справочная служба русского языка. Вопрос № 76729.

существует. Форма *olen* стилистически нейтральная, тогда как *есць* книжная, поэтому формы стилистически не соответствуют друг другу. В финском языке, как и в большинстве других языков нет устаревшей формы глагола *быть*, как нет и устаревших глагольных форм, но для передачи архаичности речи существуют и другие средства. В данном контексте архаичность не передана, поэтому произошло стилистическое ослабление или даже стилистическая утрата.

- (67) Знаешь, я, может быть, не буду и отвечать в суде... И, кажется, столько во мне этой силы теперь, что я все поборю, все страдания, только чтобы сказать и говорить себе поминутно: я **есць!** В тысяче мук -- я **есць**, в пытке корчусь -но **есць!** В столпе сижу, но я существую, солнце вижу, а не вижу солнца, то знаю, что оно есть. А знать, что есть солнце, -- это уже вся жизнь. Алеша, херувим ты мой, меня убивают разные философии, черт их дери! Брат Иван... / Tiedätkö, minä en ehkä vastaa mitään oikeudessa ... Ja minussa on nyt tätä voimaa niin paljon, että minä voitan kaikki, kaikki kärsimykset, että voin sanoa itselleni joka hetki: -- Minä **olen olemassa!** Tuhansissa tuskissa -- minä **olen olemassa**, kipujen kouristuksissa -- mutta minä **olen olemassa!** Minä istun kahlittuna, mutta kuitenkin *olen olemassa*, näen auringon, jos en näe aurinkoa, tiedän, että se on elämä. Aleša, sinä olet minun kerubini, kaikenlaiset filosofiat surmaavat minut, piiru ne vieköön ! Veli Ivan . . . (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (67) *есць* употребляется трижды и трижды переводится как *olen olemassa* (я существую). Достоевский использует слово *есць* три раза и слово *существую* один раз. Интересно то, что переводчик перевел как **есць** так и *существую* одним и тем же выражением *olen olemassa*. Он совершенно верно передал смысл слова, но не обратил внимания на стилистические тонкости, поэтому перевод стилистически ослаблен.

- (68) О, не верьте ей, нет, не "изверг" клиент мой, как она его называла! Распятый человеколюбец, собираясь на крест свой, говорил: "Аз **есць** пастырь добрый, пастырь добрый полагает душу свою за овцы, да ни одна не погибнет..." Не погубим и мы души человеческой! / Oi, älkää uskoko häntä, minun asiakkaani ei ole "peto", niin kuin neiti Verhovtseva häntä nimitti! Ristiinnaulittu ihmisen rakastaja ristillään on sanonut: -- Minä **olen** hyvä paimen, hyvä paimen panee henkensä lampaiden edestä, ettei yksikään niistä joudu hukkaan ... älkäämme mekään tuhotko ihmisen sielua! (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

- (69) "Иисус говорит ей: воскреснет брат твой. Марфа сказала ему: знаю, что воскреснет в воскресение, в последний день. Иисус сказал ей: Я **есць** воскресение и жизнь; верующий в меня, если и умрет, оживет. И всякий живущий верующий в меня не умрет вовек. Верить ли сему? Она говорит ему: / - "Jeesus sanoi

hänelle: "Sinun veljesi on nouseva ylös." Martta sanoi hänelle: "Minä tiedän hänen nousevan ylös nousemuksessa, viimeisenä päivänä." Jeesus sanoi hänelle: "Minä **olen** ylös nousemus ja elämä, joka uskoo minuun se elää, vaikka olisi kuollut. Eikä yksikään, joka elää ja uskoo minuun, ikinä kuole. Uskotko sen?" Martta vastasi hänelle: (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В (68) оригинала приводится цитата из Евангелия от Иоанна (10,11). Цитата была заменена прямой цитатой из Библии на финском языке. Переводчик не сам перевел данный контекст, а воспользовался уже готовым переводом. Классический перевод или канонический перевод, как правило, обеспечивает в принимающей культуре те же или близкие коннотации. Отрывок из Библии воспринимается одинаково и русскими и финнами потому что те и другие проповедуют христианство.

В (69) вновь встречается цитата из Библии из Евангелия от Иоанна (11,25). Цитата была переведена прямой цитатой, и тем самым как содержание так и стиль всего отрывка переданы верно. Следует отметить лишь то, что стиль слова *есмы* в финском варианте не передается. Несмотря на это, по отношению к целому тексту перевод является адекватным.

В заключении анализа формы *есмы*, можно добавить, что *есмы* является устаревшей формой и встречается весьма редко даже в письменной речи. В финском языке существует соответствие, которое передает смысл, но не передает стиля, поэтому в данном случае было бы разумно использовать замену, например, компенсацию и перевести одно из слов в тексте, устаревшим или книжным финским словом. Перевод может быть адекватным лишь по отношению ко всему тексту и замену можно произвести на протяжении всего текста.

2.3.9. Изрекать

Изрекать (изречь) – означает *произнести, высказать; провозгласить* и в некоторых случаях употребляется с иронией (БТС). *Изрекать* относится к возвышенному регистру и имеет нейтрально-эмоциональную окраску. Слово употребляется, практически, лишь в письменной речи и поэтому стилистически характеризуется как книжное.

В русско-финском словаре (VSS) *изрекать* переводится как *lausua, sanoa; julistaa*.

(70) Поутру же старец Зосима положительно **изрек** ему, отходя ко сну: "Не умру прежде, чем еще раз не упьюсь беседой с вами, возлюбленные сердца моего, на милые лики ваши погляжу, душу мою вам еще раз изолью". Собравшиеся на эту последнюю, вероятно, беседу старца были самые преданные ему друзья с давних лет. / Aamulla ennen uneen vaipumistaan Zosimavanhus **oli sanonut** hänelle päättäväisesti: -- Minä en kuole ennen kuin vielä kerran nautin keskustelusta teidän kanssanne, teidän jotka

olette sydämelleni niin rakkaat, katselen armaita kasvojanne, ja tyhjennän sieluni vielä kerran teille. Tähän luultavasti viimeiseen keskusteluun vanhuksen kanssa olivat kokoontuneet hänen parhaat ystävänsä jo vanhoilta ajoilta. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (70) *изрекать* переведено словом *sanoa*, которое в переводе на русский означает *сказать, говорить; называть, назвать* и др. Как было указано ранее, слово *изрекать* является *книжным* и автор намеренно использовал его, так как в данной ситуации речь идет о старце Зосиме, речь которого переполнена религиозными высказываниями и выражениями. Переводчик использовал вариантное соответствие, нейтральное слово, которое также дается в словаре и с точностью передает информацию, заложенную автором. При переводе произошла замена книжного слова на нейтральное.

(71) "Пусть уж лучше я пред тем, убитым и ограбленным, убийцей и вором выйду и пред всеми людьми, и в Сибирь пойду, чем если Катя вправе будет сказать, что я ей изменил, и у нее же деньги украл, и на ее же деньги с Грушенькой убежал добродетельную жизнь начинать! Этого не могу!" Так со скрежетом зубов **изрек** Митя и действительно мог представить себе временами, что кончит воспалением в мозгу. Но пока боролся. / "Olkoon mieluummin niin, että minä olen tuon murhatun ja ryöstetyn sekä kaikkien ihmisten edessä murhaaja ja varas ja menen Siperiaan, kuin että Katjalla olisi oikeus sanoa, että minä olen pettänyt hänet, varastanut häneltä rahat ja karannut niillä rahoilla Grušenkan kanssa aloittamaan hyveellistä elämää! Sitä minä en voi!" Näin Mitja **ajatteli** hampaitaan kiristellen ja todellakin hän saattoi kuvitella aika ajoin saavansa lopuksi aivokuumeen. Mutta toistaiseksi hän vielä kamppaili . . . (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (71) слово *изрекать* было переведено на финский словом *ajatella* 'мыслить', 'думать', 'размышлять'. В тексте говорится о том, что он *изрек* это со *скрежетом зубов*, что указывает на то, что он переживал сильное потрясение, во время и после сказанного им. Слово *изрекать* подразумевает в себе произнесение речи вслух, поэтому мы считаем, что Митя не *подумал*, как понял это переводчик, а произнес все это вслух. Из этого следует, что перевод не соответствует оригиналу по смыслу, и в процессе перевода, переводчик использовал лексическую замену, а именно конкретизацию. Стилистически слово *ajatella* является нейтральным и поэтому при переводе произошел стилистический сдвиг – стилистическое ослабление.

(72) Пятнадцать веков уже минуло тому, как он дал обетование прийти во царствии своем, пятнадцать веков, как пророк его написал: "Се грядущему скоро". "О дне же сем и часе не знает даже и сын, токмо лишь отец мой небесный", как **изрек** он и сам еще на земле. / Viisitoista vuosisataa on jo kulunut siitä, kun Hän oli

luvannut tulla kunniaansa, viisitoista vuosisataa siitä kun Hänen profeettansa oli kirjoittanut: "Pian olen sen näkevä." -- "mutta siitä päivästä ja hetkestä ei tiedä Poikakaan, ainoastaan minun taivaallinen Isäni", kuten Hän itse **on lausunut** ollessaan vielä maan päällä. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, Л. Пюукке.)

В (72) *изрекать* переведено словом *lausua*. Такой же перевод предлагает и словарь. В данном случае, при переводе было использовано одно из вариантных соответствий, которое передает содержание оригинала и соответствует ему стилистически.

(73) Но вопрос сей, высказанный кем-то мимоходом и мельком, остался без ответа и почти незамеченным - разве лишь заметили его, да и то про себя, некоторые из присутствующих лишь в том смысле, что ожидание тления и тлетворного духа от тела такого почившего есть сущая нелепость, достойная даже сожаления (если не усмешки) относительно малой веры и легкомыслия **изрекшего** вопрос сей. Ибо ждали совершенно противоположного. / Mutta kysymys, jonka joku ohimennen ja pikimmältään oli esittänyt, oli jäänyt ratkaisematta ja melkein huomiotta. Vain muutamat läsnäolijat olivat huomanneet sen ja hekin siinä mielessä, että oli järjetöntä odottaa tällaisen vainajan ruumiin mätänevän ja rupeavan haisemaan, ja että moinen järjettömyys oli sääliittävä (ellei suorastaan naurettavaa), sillä se osoitti **kysymyksen tekijän** heikkouskoisuutta ja ajattelemattomuutta. Odotettiin näet aivan päinvastaista. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (73) переводчик использовал свой вариант перевода: *изрекивший* – *kysymyksen tekijä* 'задавший вопрос'. При переводе была использована лексическая замена, конкретизация. Переводчик сумел полностью передать содержание оригинала, но к сожалению, стиль переводчику сохранить не удалось. В оригинале автор использует и другие старославянизмы, например, *сей* и в контексте отчетливо виден религиозный оттенок. Переводчик же нейтрализовал текст и тем самым ослабил стиль.

(74) Пусть прочтет он далее о том, как обрадовался старец Иаков, узнав, что жив еще его милый мальчик, и потянулся в Египет, бросив даже отчизну, и умер в чужой земле, **изрекши** на веки веков в завещании своем величайшее слово, вмещавшееся таинственно в кротком и боязливом сердце его во всю его жизнь, о том, что от рода его, от Иуды, выйдет великое чаяние мира, примиритель и спаситель его! / Vielä lukekoon hän siitä miten vanha Jaakob ilostui kuultuaan että hänen rakas poikansa on vielä elossa, miten hän sitten matkusti Egyptiin ja jätti jopa isänmaansa, sekä kuoli sitten vieraalla maalla, missä hän **ilmaisi** ikuisiksi ajoiksi testamentissaan suurimman sanan, sen että hänen suvustaan Juudasta lähtee maailman suuri toivo, sen Sovittaja ja Vapahtaja, ja mikä oli salaisesti ollut koko hänen elämänsä ajan

hänen nöyrässä ja pelokkaassa sydämessään! (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

Пример (74) также интересен тем, что переводчик использовал свой вариант, а не предлагаемый словарем. В данном случае, при переводе было использовано одно из вариантных соответствий: *изрекать* было переведено как *ilmaista* 'выразить'. Данный выбор можно считать удачным, так как он передает всю информацию, но стилистически не совсем соответствует оригиналу.

(75) - Да вы кто такой, - вскричал он, - вы-то что за пророк? С высоты какого это спокойствия величавого вы мне премудрствующие пророчества **изрекаете**? / - Kuka te oikeastaan olette, hän huudahti. - Mikä profeetta? Minkä majesteetillisen rauhan korkeuksista te **jakelette** minulle noita ylen viisaita profeetan ennustuksia? (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Л. Пюукке.)

В (75) *изрекать* переведено как *jakella* 'раздавать'. Переводчик использовал свой вариант, который в полной мере передает содержание оригинала, так как в первоначальном тексте слово *изрекать* было сказано с иронией. В данном случае переводчик сумел адекватно передать как содержание, так и колорит оригинала.

Для достижения адекватности перевода переводчик применял в процессе перевода вариантные соответствия, переводческие трансформации (лексические замены).

2.3.10. Инок

Согласно БТС *инок* – это *православный монах*. Слово относится к нейтральному регистру, обладает нейтрально-эмоциональной окраской и стилистически характеризуется как устаревшее.

VSS (2000) дает лишь один вариант перевода слова – *tunkki* 'монах'. В СРЛ (1999) подчеркивается то, что в «старой литературе» слово *инок* используется как синоним слова *монах*, поэтому оно «должно» переводиться словом *tunkki*. В данном случае мы столкнулись с однозначным словом, так как оно имеет лишь одно значение и толкуется одним-единственным способом. Несмотря на это, VSS (2000) не поясняет, что речь идет не просто о *монахе*, а именно о *православном монахе*¹⁶.

Далее нам остается проанализировать то, как переводчик справился с переводом слова.

(76) Отцы и учителя, что есть **инок**? В просвещенном мире слово сие произносится в наши дни у иных уже с насмешкой, а у

¹⁶ Справочная служба русского языка. Вопрос № 76047.

некоторых и как бранное. И чем дальше, тем больше. Правда, ох правда, много и в монашестве тунеядцев, плотоугодников, сластолюбцев и наглых бродяг. На сие указывают образованные светские люди: "Вы, дескать, лентяи и бесполезные члены общества, живете чужим трудом, бесстыдные нищие". А между тем сколь много в монашестве смиренных и кротких, жаждущих уединения и пламенной в тишине молитвы. / Isät ja opettajat, mikä on **munkki**? Valistuneessa maailmassa meidän päivinämmе toiset sanovat tämän sanan ivallisesti, toiset kuin haukkumasanan ikään. Ja sitä enemmän kuta pitemmälle aika kuluu. On totta, ah niin totta, että munkkien joukossa on paljon tyhjäntoimittajia, hekumoitsijoita, nautiskelijoita ja julkeita kulkureita. Sivistyneet maallikot osoittelevat heitä: -- Te olette laiskureita ja hyödyttömiä yhteiskunnan jäseniä, elätte toisten työstä, olette häpeämättömiä kerjäläisiä. Ja miten paljon munkkien joukossa kuitenkin nöyriä ja lempeitä, sellaisia jotka hartaasti haluavat yksinäisyyttä ja palavaa rukousta hiljaisuudessa. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

Перед нами отрывок из учений старца Зосимы. В (76) он рассказывает об *иноке* – православном монахе, и о его значении. *Инок* переведено словом *munkki*, тот же вариант предлагает и словарь. В настоящем примере, при переводе использовалась лексическая замена, а именно прием генерализации – переход от узкого понятия к понятию с более широким значением. Такой выбор можно считать обоснованным, так как в данном отрывке говорится в общем о том, кто такой *инок*, другими словами, *монах*. Стилистически оригинал и перевод не соответствуют друг другу, поэтому в данном случае следует говорить о стилистическом сдвиге: стилистическом ослаблении.

(77) Запомни сие. А тебя, Алексей, много раз благословлял я мысленно в жизни моей за лик твой, узнай сие, - проговорил старец с тихою улыбкой. - Мыслю о тебе так: изыдешь из стен сих, а в миру пребудешь как **инок**. Много будешь иметь противников, но и самые враги твои будут любить тебя. / "Paina tämä mieleesi. Aleksei, minä olen siunannut sinua ajatuksissani monesti elämäni aikana sinun kasvojesi tähden, tiedä tämä, -- vanhus sanoi hiljaa hymyillen. Olen kuvitellut elämäsi näin: sinä lähdet pois näiden seinien sisältä, mutta sinä olet maailmassa kuin **munkki**. Sinulla on paljon vastustajia, mutta vihollisesikin rakastavat sinua. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (77) переводчик вновь перевел слово *инок* словом *munkki*. Если обратить внимание на содержание текста, в котором это слово употребляется, то можно заметить, что в данном контексте перевод передает смысл заложенный автором в тексте оригинала: *в миру пребудешь как инок*, подразумевает то, что Алексею придется жить в мире со всеми людьми, но вести себя как *монах*, поэтому уточнение *православный монах* излишне, но слово стилистически ослаблено.

- (78) **Инок обдорский** изо всех волновавшихся выдавался наиболее суевающимся; заметить его можно было всюду, во всех местах: везде он расспрашивал, везде прислушивался, везде шептался с каким-то особенным таинственным видом. / Kiihtyneistä ihmisistä **obdorskilainen munkki** touhusi eniten; hänet saattoi nähdä kaikkialla, joka paikassa, kaikkialla hän kyseli, kaikkialla kuunteli toisten puheita, kaikkialla kuiskutteli kummallisen salaperäisen näköisenä. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (78) речь идет об *обдорском иноке*. Переводчик перевел слово *инок* словом *монах*. В данном случае *obdorskilainen ortodoksimunkki* уточнило бы, что речь идет о брате по вере. Для ясности следовало бы упомянуть, что это не католический монах, а именно *православный*, особенно при первом упоминании об *обдорском иноке*. Стилистически слово ослаблено.

- (79) Кроме сего, он и прежде, еще до прихода в монастырь, был в большом предубеждении против старчества, которое знал доселе лишь по рассказам и принимал его вслед за многими другими решительно за вредное новшество. **Ободняв уже в монастыре, успел отметить и тайный ропот некоторых легкомысленных и несогласных на старчество братий. Был он к тому же по натуре своей иннок шныряющий и проворный, с превеликим ко всему любопытством.** Вот почему великое известие о новом "чуде", совершенном старцем Зосимою, повергло его в чрезвычайном недоумении. / Sitä paitsi hän oli jo ennen luostariin saapumistaan ollut kiihkeä luostarinvanhinjärjestelmän vastustaja. Siitä hän tosin oli kuullut vain muiden kertomuksista ja monien muiden tavoin piti sitä ehdottomasti vaarallisena uutuuksena. **Haisteltuaan ilmaa luostarissa hän oli ennättänyt huomata salaista napinaa muutamien kevytmielisten luostarinvanhinjärjestelmää vastustavien veljien keskuudessa, koska oli luonnostaan nuuskiva ja ketterä sekä mitä suurimmassa määrin utelias.** Juuri sen vuoksi suuri uutinen luostarinvanhin Zosiman tekemästä uudesta "ihmeestä" saattoi hänet hämilleen. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (79) переводчик объединил два придаточных предложения в одно, и поэтому слово *инок* не встречается в варианте на финском языке. В данном случае *инок* переведен как *oli (hän oli) – был (он был)*, и в настоящем случае переводчик использовал прием замены части речи (замена существительного местоимением).

Далее переводчик не совсем верно трактовал слово *ободнять* 'рассветить'. Фраза «ободняв уже в монастыре» означает «когда в монастыре уже рассвело». Переводчик же перевел ее как «haisteltuaan ilmaa luostarissa» 'подышав свежим воздухом в монастыре'. Это ошибка произошла, скорее всего, потому что переводчик принял *ободнять* за *обонять*.

- (80) В теснившейся в келье усопшего толпе заметил он с отвращением душевным (за которое сам себя тут же и попрекнул) присутствие, например, Ракитина, или **далекого гостя - обдорского инока**, все еще пребывавшего в монастыре, и обоих их отец Паисий вдруг почему-то счел подозрительными хотя и не их одних можно было заметить в этом смысле. / Henkistä iljettävyyttä tuntien hän huomasi (mistä hän soimasi itseään) vainajan kammiossa tungeksivassa joukossa esimerkiksi Rakitinin sekä **kaukaa tulleen obdorskilaisen vieraan, munkin** joka yhä viipyi luostarissa ja isä Paisi alkoi jostakin syystä epäillä näitä molempia – vaikka he eivät olleetkaan ainoat, jotka tässä mielessä olisi voinut huomioida. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, Л. Пьюкке.)

В (80) будет проанализировано не одно слово, а связка слов: *далекого гостя – обдорского инока* было переведено как *kaukaa tulleen obdorskilaisen vieraan, munkin* (пришедшего издалека обдорского гостя, монаха). Переводчик сделал перестановку слов, что можно объяснить и различием в синтаксисе языков и тем, что гость и монах – один и тот же человек, поэтому в данном случае прием вполне обоснован. Что же касается перевода слова *обдорский инок*, то если бы в тексте было ранее упомянуто то, что это *православный монах*, то в данном примере можно было бы говорить просто о *обдорском монахе*. К сожалению, это не было сделано, поэтому читатель остался несколько «обделенным» как информационно так и стилистически. С другой стороны, читатель заранее знал, что события романа происходят в России и большая часть граждан страны, является, или признает себя православными (19 век), поэтому из контекста и из сюжета становится ясно, что в тексте говорится именно об *иноке* – православном монахе.

Анализ показал, что переводчик, практически во всех случаях, переводит слово *инок* – словом *munkki*. При переводе он использует в четырех случаях лексическую замену, генерализацию, и в одном случае замену части речи. Стиль переводчику передать не удалось.

2.3.11. Старец

Слово *старец* – имеет два значения: 1. *пожилой и уважаемый человек*. и 2. *пожилой монах, отшельник (духовный наставник и руководитель верующих или других монахов)* (БТС). «Старчество – монашеский институт, основанный на руководстве старца (монаха достигшего высокой степени религиозного подвижничества)» (Азбука Христианства). Словарь христианских терминов "Ortodoksinen sanasto" (OS 1999: 155) дает следующий перевод слова *старец*: *starets – ohjaajavanhus*. СРЛ (1999) также дает такие варианты как *ohjaajavanhus* и *staretsi*, и еще *vanhus*, так как слово имеет два значения. Слово *старец* относится к нейтральному регистру, имеет нейтрально-эмоциональную окраску и в первом значении

относится к высокому стилю, а во втором значении характеризуется как устаревшее.

В VSS (2000) *stарец* переводится как 1. Vanhus 'старик'(vanha) *munkki*, '(старый) монах'; *stареts* (kirk.) 'старец (церк.)'. В словаре христианских терминов говорится о том, что слово *stарец* не указывает на возраст, а на духовный опыт. (OS 1999: 155), поэтому объяснения БТС и VSS не совсем совпадают с объяснением словаря христианских терминов ОС. Согласно словарю NS *vanhus* – это 1. (hyvin) vanha ihminen '(очень) старый человек'; 2. kans. tav. mon. vanhemmista '. В данном случае следует отметить, что в первом значении слова *stарец* и *vanhus* совпадают семантически, но не стилистически.

(81) Впрочем, **старец** уже не наблюдал его. Он вступил в разговор с заходящим монахом, ожидавшим, как мы уже говорили, подле кресел его выхода. Это был, по-видимому, из самых простых монахов, то есть из простого звания, с коротеньким, нерушимым мировоззрением, но верующий и в своем роде упорный. Он объявил себя откуда-то с дальнего севера, из Обдорска, то святого Сильвестра, из одного бедного монастыря всего в девять монахов. **Старец** благословил его и пригласил зайти к нему в келью, когда ему будет угодно. / **Luostarinvanhin** ei enää tarkkaillut häntä, vaan oli ryhtynyt puheisiin matkustavan munkin kanssa. Tämä, kuten jo kerroimme, odotti Lisen lepotuolin vierellä häntä. Munkki oli nähtävästi niitä kaikkein yksinkertaisimpia, siis arvoltaan alhaisimpia, jollaisilla on ahdas ja järkkymätön maailmankatsomus, mutta jotka ovat uskovaisia ja omalla tavallaan sinnikkäitä. Hän sanoi tulevansa jostakin kaukaa pohjoisesta, Obdorskista, pyhän Sylvesterin luostarista, niin köyhästä, että siellä oli vain yhdeksän munkkia. **Vanhus** siunasi häntä ja pyysi käymään kammiossaan milloin tämä itse halusi. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пююкке.)

В (81) слово *stарец* употребляется дважды: в первом случае оно было переведено как *luostarinvanhin*, а во втором – *vanhus*. В финско-русском словаре нет слова *luostarinvanhin*, поэтому мы разберем его по частям: *luostari* 'монастырь' и *vanhin* '1. превосходн. степень (самый) старший'. '2. староста; старшина; старейшина'. Из этого следует, что в данном случае речь идет о старейшине монастыря. Как мы видим, переводчик, в первом случае, не использовал варианты, данные в словаре и не перевел слово, например, словами (*vanha*) *munkki* или *stареts*. Во втором случае переводчик использовал при переводе слово *vanhus*, которое в переводе на русский означает *старик; старец; дед и др.*

При переводе, в первом случае был употреблен собственный вариант переводчика, а во втором – вариант словаря. В обоих случаях речь идет об одном и том же *stарец* – *stарец* Зосиме, поэтому употребление слова *vanhus* и приближенный перевод вполне обоснованы. Переводчик использовал в первом случае описательный, перифрастический перевод. Выбор переводчика интересен, но он не совсем верно передает смысла

слова. *Старец* – это человек, который занимался в монастыре наставлением новых послушников (Arkkimandriitta Arseni 1999:155). Исходя из этого следует отметить, что *старец* никаким образом не был старейшеной монастыря, а лишь духовным наставником, поэтому перевод не совсем верен.

- (82) Неверующие возрадовались, а что до верующих, то нашлись иные из них возрадовавшиеся даже более самих неверующих, ибо "любят люди падение праведного и позор его", как изрек сам покойный **старец** в одном из поучений своих. / Eräuskoiset riemastuivat, mutta mitä uskoviin tulee jotkut heistä riemastuivat vielä enemmän kuin epäuskoiset, sillä "vanhurskaan lankeemus ja hänen häpeänsä on ihmisille mieleen", kuten poismennyt **luostarinvanhus** itse oli sanonut eräässä saarnassaan. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, Л. Пюукке.)

В (82) слово *старец* переведено словом *luostarinvanhus*, которое отличается от предыдущего примера тем, что в сложном слове вместо слова *vanhin* использовано слово *vanhus*. Слова *luostarinvanhus* также нет в финско-русском словаре и в данном примере переводчик использует свой собственный вариант. Здесь, как и в предыдущем примере, речь идет о том же самом старце, и как нам кажется «*luostarinvanhus*» более точно передает содержание слова *старец*, чем слово «*luostarinvanhin*». Следует отметить, что переводчик использовал при переводе описательный, перефразистический перевод, который очень абстрактен.

- (83) **Старец** этот, как я уже объяснил выше, был **старец** Зосима; но надо бы здесь сказать несколько слов и о том, что такое вообще "**старцы**" в наших монастырях, и вот жаль, что чувствую себя на этой дороге не довольно компетентным и твердым. Попробую, однако, сообщить малыми словами и в поверхностном изложении. И во-первых, люди специальные и компетентные утверждают, что **старцы** и **старчество** появились у нас, по нашим русским монастырям, весьма лишь недавно, даже нет и ста лет, тогда как на всем православном Востоке, особенно на Синае и на Афоне, существуют далеко уже за тысячу лет. / Tuo **munkki** oli kuten jo aikaisemmin olen selostanut, **luostarinvanhin** Zosima. Tässä pitäisi myös sanoa muutama sana siitä, mitä nämä "**luostarinvanhimmat**" meikäläisissä luostareissa oikein ovat. Sääli vain, että tässä asiassa en tunne olevani tarpeeksi pätevä ja varma. Yritän kuitenkin esittää lyhyesti ja päällisin puolin. Ensiksikin asiantuntijat ja pätevät henkilöt vakuuttavat, että **luostarinvanhimmat** ja **luostarinvanhinjärjestelmä** tulivat käytäntöön meidän venäläisissä luostareissamme melko hiljattain, ei sataakaan vuotta sitten, sitävastoin kaikkialla kreikkalaiskatolisilla itämailla, varsinkin Siinailla ja Athos-vuorella se on ollut jo toista tuhatta vuotta. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (83) слово *старец* употребляется четыре раза. В первом случае переводчик использует при переводе слово *tunkki* (*монах*), а в остальных – *luostarinvanhin*. В настоящем примере нас интересует только первый случай, в котором переводчик использует прием лексической замены: генерализации, который можно считать полностью оправданным, так как *старец* – это прежде всего *монах*. В данном примере нецелесообразно сравнивать перевод с вариантом в словаре, так как словарь не в состоянии перечислить все случаи, в которых употребляется какое-либо слово.

- (84) Прощел он и прославился на всю Россию именно из-за **старцев**, чтобы видеть и послушать которых стекались к нам богомольцы толпами со всей России из-за тысяч верст. Итак, что же такое **старец**? **Старец** - это берущий вашу душу, вашу волю в свою душу и в свою волю. Избрав **старца**, вы от своей воли отрешаетесь и отдаете ее ему в полное послушание, с полным самоотрешением. / Se oli alkanut kukoistaa ja tullut tunnetuksi yli koko Venäjän maan juuri **luostarinvanhinten** takia. Joukoittain hurskaita vaelsi sinne joka puolelta Venäjää tuhannen virstan takaa katsomaan ja kuulemaan heitä. Siis mikä on **luostarinvanhin, starets**? **Luostarinvanhin** on mies, joka ottaa teidän sielunne ja tahtonne omaan sieluunsa ja tahtoonsa. Kun valitsette itsellenne **luostarinvanhimman**, te samalla luovutte omasta tahdostanne ja alistatte sen täydellisesti kuuliaiseksi hänelle ja kiellätte itsenne kokonaan. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (84) слово *старец* употребляется в оригинале четыре раза, в переводе — пять раз. Во всех случаях слово переведено собственным вариантом переводчика – *luostarinvanhin*. Только в одном случае – *luostarinvanhin, starets*. Последнее слово дается в словаре и в данном примере переводчик решил использовать это слово для внесения ясности. Слово *starets* – заимствовано из русского (*старец*), поэтому переводчик хотел указать на происхождение слова. В четырех случаях переводчик использовал свой вариант, который, как указывалось ранее, в какой-то мере искажает смысл оригинала.

- (85) Что ж делать с понятием, которое прошло в народе о вашей юридикте? Иному ведь страшно слово "Засудят". Кто виноват! Вот что-то новые суды скажут. Ох, дал бы бог! Ну-с, в остроге-то и вспомнился, видно, теперь честной **старец**; Библия тоже явилась опять. Знаете ли, Родион Романович, что значит у иных из них "пострадать?" / Minkäpä voi sille käsitykselle, joka on levinnyt kansaan meidän lainkäytöstämme! Monia pelottaa jo sana: "tuomitaan"! Kuka on syypää? Ehkäpä oikeudenkäynnin uudistus saa muutoksen aikaan! Suokoon sen Jumala! No niin, vankilassa hän muisti kunnia-arvoisan **begunivanhuksen** ja alkoi jälleen lukea Raamattua. Tiedättekö, Rodion Romanovitš, mitä heikäläisille

merkitsee "joutua kärsimään"! (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

Пример (85) взят из романа «Преступление и наказание», и как мы видим слово *старец* переведено словом *begunivanhus*. Пример изолирован от текста, поэтому может возникнуть вопрос, откуда появилось слово *beguni*, которого нет в оригинале. Дело в том, что ранее в тексте, говорилось о *бегунах*, представителях старообрядческой «секты» и переводчик использовал такой перевод для того чтобы напомнить читателю, о том что речь идет все о том же самом *старце*, *бегуне*. В данном случае был использован прием замены, конкретизации.

(86) Всё это я от Миколки и от зарайских его узнал. Да куды! просто в пустыню бежать хотел! Рвение имел, по ночам богу молился, книги старые "истинные" читал и зачитывался. Петербург на него сильно подействовал, особенно женский пол, ну и вино. Восприимчив-с, и **старца**, и всё забыл. / Tämän kaiken sain tietää itseltään Nikolkalta ja hänen zaraiskilaisilta maanmiehiltään. Eikä siinä kyllin! Hän aikoi karata erämaahan, kadota tuntemattomiin. Intoa hänellä oli kyllin, rukoili Jumalaa kaiket yöt, luki vanhoja, "oikeita", kirjoja. Luki liaksikin. Pietari vaikutti häneen voimakkaasti, erikoisesti naiset ja tietysti viinakin. On vaikutteille herkkä, unohti täällä **oppi-isänsä** ja kaiken muunkin. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

В (86) переводчик использовал при переводе слово *oppi-isä* 'наставник', 'учитель'. Можно сказать, что в переводе была использована лексическая замена: конкретизация, но с другой стороны можно говорить и об использовании синонима или вариантного соответствия, так как *старец* – это духовный наставник.

(87) Мне теперь сорок лет, а ведь сорок лет - это вся жизнь; ведь это самая глубокая старость. Дальше сорока лет жить неприлично, пошло, безнравственно! Кто живет дольше сорока лет, - отвечайте искренно, честно? Я вам скажу, кто живет: дураки и негодяи живут. Я всем **старцам** это в глаза скажу, всем этим почтенным **старцам**, всем этим сребровласым и благоухающим **старцам**! Всему свету в глаза скажу! Я имею право так говорить, потому что сам до шестидесяти лет доживу. До семидесяти лет проживу! До восьмидесяти лет проживу!.. Пойдите! Дайте дух перевести... / Olen nyt neljäkymmenen ikäinen, ja neljäkymmentä vuottahan on koko elämä. Tämä ikähän on kaikkein syvintä vanhuutta. On säädytöntä elää neljääkymmentä vuotta kauemmin, rumaa, moraalitonta! Vastatkaapa vilpittömästi. rehellisesti: ketkä elävät yli neljäkymmenen? Minäpä kerron teille, ketkä elävät: pölkkypäät ja roistot. Sanon tämän kaikille **vanhuksille** vasten naamaa, kaikille noille kunnioitetuille **vanhuksille**, kaikille harmaahapsisille ja hyväntuoksuisille **vanhuksille**! Sanon koko maailmalle vasten naamaa! Minulla on oikeus puhua näin, sillä elän itse kuusikymmentävuotiaaksi. Seitsemänkymmentävuotiaaksi! Elän

kahdeksankymmentävuotiaaksi! ... Hetkinen! Antakaahan kun hengähdän...(Достоевский Ф.М. Записки из подполья, пер. Э. Адриан.) / Elää kauemmin kuin neljäkymmentä vuotta on sopimatonta, säädytöntä, moraalitonta! Kuka elää yli neljäkymmenen vuoden - vastatkaapas vilpittömän rehellisesti? Minä sanon teille ketkä elävät: tyhmyrit ja lurjukset. Minä sanon sen suoraan vasten naamaa kaikille **vanhuksille**, kaikille noille kunnioitettaville, hopeahapsisille ja hyvätuoksuisille **ukoille**! Minä sanon sen koko maailmalle vasten naamaa! Minulla on oikeus näin puhua, koska itse elän kuusikymmenvuotiaaksi! Seitsenkymmenvuotiaaksi minä elän! Kahdeksankymmenvuotiaaksi elän! ... Hetkinen! Antakaa, kun vedän henkeä välillä...(Достоевский Ф. М. Записки из подполья, пер. В. Каллама.)

(87) интересен тем, что перед нами два образца его перевода на финский язык, которые были выполнены двумя разными переводчиками в разное время. В оригинале слово *старец* в значении пожилой человек употребляется трижды и во всех трех случаях переводчик Адриан переводит его словом *vanhus* 'старик'. В переводе Каллама перевод слова *старец* встречается дважды: в первом случае оно было переведено словом *vanhus*, а во втором – *ukko* 'старик'. Как можно заметить, в тексте говорится с пренебрежением о *старцах*, поэтому Каллама использует разговорное¹⁷ слово *ukko*, но несмотря на это он переводит слово два раза, а не три, хотя как нам кажется, автор намеренно употребил это слово трижды. Оба переводчика использовали при переводе варианты соответствия: Адриан – вариант, данный в словаре, а Каллама, во втором случае, свой собственный вариант. Как говорилось ранее, *старец* и *vanhus* в какой-то степени различаются в значениях, но так как в контексте говорится о старцах с пренебрежением, то следует говорить о стилистическом соответствии. Мы считаем, что в примере перевода Каллама, также можно говорить о стилистическом соответствии, так как в данном случае «один *ukko* равен двум *старцам*».

(88) Вот еще сколько этих самоубийств распространилось, - так это вы представить не можете. Все это проживает последние деньки и убивает самого себя. Девчонки, мальчишки, **старцы**... / Ja sitten vielä: te ette voi kuvitellakaan, kuinka itsemurhat ovat lisääntyneet. Kaikki tuhlaavat viimeiset rahansa ja sitten tappavat itsensä. Nuoret tytöt, pojanjuipit, **vanhukset** ... (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, Ю. Конкка.)

В (88) *старец* – это старик, о котором говорится с уважением, так как перед этим идет перечисление возрастных категорий: *девчонок*, *мальчишек* и потом *старцев*. В данном примере переводчик употребил такой же вариант, как и в словаре. Следовательно, можно говорить о вариантном, но

¹⁷ Suomen kielen perussanakirja

не о стилистическом соответствии, так как *старец* относится к высокому стилю речи, а *vanhus* к нейтральному. В процессе перевода произошло стилистическое ослабление, несмотря на то, что слова совпадают по значению.

Подводя итоги анализа слова *старец*, следует отметить, что в финском языке в православных кругах *старец* в значении пожилой монах (духовный наставник верующих и других монахов) переводится как *ohjaajavanhus*. В первом значении слова соответствуют друг другу семантически, но не стилистически. Таким образом, в данном случае мы имеем дело с описательным (перефразистическим) переводом с использованием вариантных соответствий и лексических замен (генерализации и конкретизации). Переводчики использовали такое множество приемов для достижения одной цели – адекватности перевода, что им в некоторых случаях удалось.

2.3.12. Тварь

Тварь – это многозначное слово, которое имеет два значения: 1. книжн. *живое существо* и 2. *подлый, мерзкий человек*. В данном случае нас интересует лишь первое значение слова, и поэтому во всех примерах речь будет идти только о нем. Именно в этом своем значении слово *тварь* относится к возвышенному регистру и имеет нейтрально-эмоциональную окраску. Стилистически слово является книжным.

СРЛ дает следующие соответствия слова: *olento* 'существо', *luomakunta* 'мироздание'. В русско-финском словаре слово *тварь* переводится как 1. vanh. ark. устар. *luontokappale*, *olento* 'существо', *olio* 'организм'; ark. haukk. *elukka*, разг. 'тварь.' Как мы видим, данное слово можно перевести при помощи вариантных соответствий (аналогов).

- (89) — "Как же может быть иначе, - говорю ему, - ибо для всех слово, все создание и вся **тварь**, каждый листик устремляется к слову, богу славу поет, Христу плачет, себе неведомо, тайной жития своего безгрешного совершает сие. Вон, - говорю ему, - в лесу скитается страшный медведь, грозный и свирепый, и ничем-то в том не повинный". И рассказал я ему, как приходил раз медведь к великому святому, спасавшемуся в лесу, в малой келейке, и умилился над ним великий святой, бесстрашно вышел к нему и подал ему хлеба кусок: "Ступай, дескать, Христос с тобой", и отошел свирепый зверь послушно и кротко, вреда не сделав. / -- Miten muuten voisi olla, sanoin hänelle, -- sillä Sana on kaikkia varten, jokainen **luotu olento**, jokainen eläin ja jokainen lehti pyrkii kohti Sanaa, laulaa kiitosta Jumalalle, itkee Kristukselle, tekee sen tietämättään, synnittömän elämänsä salaisuuden voimalla. Tuolla metsässä kiertelee kauhea karhu, raivokas ja julma, mutta se ei ole sen oma syy. Ja minä kerroin miehelle miten karhu kerran meni erään pyhän miehen luo. Tämä asui metsässä pienessä majassa

sielunsa pelastuksen tähden. Pyhä mies sääli karhua, meni pelkäämättä ulos karhun luo ja antoi sille palan leipää: -- Mene, Kristus olkoon kanssasi, ja julma peto meni pois kuuliaisena ja nöyränä aiheuttamatta vahinkoa. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (89) слово *тварь* переведено словом *luotu olento* 'создание'. В данном случае переводчик использовал свой вариант. Словосочетание *luotu olento* является синонимом слова *luontokappale*. Согласно словарю *Nykysuomen sanakirja* (1957) *luontokappale* – это тоже что (*luotu*) *olento*. То есть переводчик использовал при переводе одно из вариантных соответствий. Однако выражение *luotu olento* не является книжным, как русское *тварь*, но имеет оттенок архаичности, так как употребляется в Библейском контексте.

(90) - Правда это, батюшка Дмитрий Федорович, это вы правы, что не надо человека давить, тоже и мучить, равно как и всякую **тварь**, потому всякая **тварь** - она **тварь** созданная, вот хоть бы лошадь, потому другой ломит зря, хоша бы и наш ямщик... -- Oikeassa olette, isäkulta, Dmitri Fedorovitš, siinä olette oikeassa, että ei pidä rusementaa ihmistä alleen, eikä myöskään kiusata, niin kuin ei mitään **elukkaakaan**, sillä jokainen **elukka**, se on **Luojan luoma**, vaikkapa nyt tuo hevonen, toinen pieksää sitä turhaan, tällainen meikäläinen kyytimies . . . Eikä sitten ole mitään määrää, kiusaa vaan kiusaamistaan. (Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы, пер. Л. Пюукке.)

В (90) слово *тварь* в значении «живое существо» употребляется трижды. Переводчик в двух случаях перевел слово *тварь* словом *elukka* 'тварь', а в одном примере как *Luojan luoma* 'создание Божье'. Согласно словарю *Nykysuomen sanakirja* слово *elukka* многозначное и имеет два значения: 1. us. ark. *eläin*; us. *kotieläin*; vrt. *elikko*, *eläin*, *elävä*, *luontokappale* 'в разговорной речи животное'; 2. halv. *tylsämielisestä*, *siveettömästä tms. ihmisestä* 'пренебр. о безнравственном человеке'. SVS (2001) дает следующий перевод слова *elukka* – прост. *животное; тварь; скотина*. Так как в данном примере автор сравнивает *тварь* (живое существо – животное) с человеком, то перевод соответствует оригиналу по смыслу. Но *elukka* – обиходно-разговорное слово, тогда как *тварь* – книжное, поэтому, использовав одно из вариантных соответствий, переводчик не учел стилистические особенности слова, что привело к стилистическому ослаблению. При переводе выражения *тварь созданная*, переводчик использовал замену, конкретизацию выражения и перевел его как *Luojan luoma* 'Творцом созданная', что полностью соответствует оригиналу по смыслу, хотя слово *тварь* в процессе перевода опущено.

(91) Потому, потому я окончательно вошь, - прибавил он, скрежеща зубами, потому что сам-то я, может быть, еще сквернее и гаже, чем убитая вошь, и заранее предчувствовал, что скажу себе это уже после того, как убью! Да разве с таким ужасом что-нибудь

может сравниться! О, пошлость! О, подлость!.. О, как я понимаю "пророка" , с саблей, на коне. Велит Аллах, и повинуйся "дрожащая **тварь**"! Прав, прав "пророк", когда ставит где-нибудь поперек улицы хор-р-рошую батарею и дует в правого и виноватого, не удостоивая даже и объясниться! Повинуйся, дрожащая **тварь**, и - не желай, потому - не твое это дело!.. О, ни за что, ни за что не прощу старушонке!" / Vihdoin, lopullisesti olen täi sen vuoksi", hän lisäsi hammasta purren, "että minä itse ehkä olen vieläkin kehnempi ja iljettävämpi kuin tuo tapettu täi ja ennakolta aavistin että tulen sanomaan tämän itselleni sen jälkeen kun olen tappanut! Voikotällaista kauhistusta verrata mihinkään! Voi miten latteaa, miten halpamaista! Kuinka hyvin minä ymmärränkään nyt 'profeetta' joka ratsastaa sapeli kädessä: Allah käskee, tottele, sinä 'vapiseva **luontokappale**'! Oikeassa, oikeassa on 'profeetta', kun sijoittaa jonnekin keskelle katuja hyvän patterin ja paahtaa niin syyllisiin kuin syyttömiin antamatta minkäänlaisia selityksiä! Tottele, vapiseva **luontokappale**, äläkä toivo mitään, sillä se ei ole sinun asiasi! Voi, en mistään hinnasta, en anna anteeksi sille 'muoriraukalle'." (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

- (92) И не деньги, главное, нужны мне были, Соня, когда я убил; не столько деньги нужны были, как другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: может быть, тою же дорогой идя, я уже никогда более не повторил бы убийства. Мне другое надо было узнать, другое толкало меня под руки: мне надо было узнать тогда, и поскорей узнать, вошь ли я, как все, или человек? Смогу ли я переступить или не смогу! Осмелюсь ли нагнуться и взять или нет? **Тварь** ли я дрожащая или право имею. / Rahat eivät olleet minulle tappaessani pääasia, rahat eivät olleet minulle niin tärkeät kuin eräs toinen seikka ... tiedän itse kaiken ... Ymmärränhän minä: kuka ties samaa tietä kulkien minä en olisi enää koskaan tehnyt murhaa. Minun piti saada selko toisesta asiasta, vallan toinen asia yllytti minua: minun täytyi saada selville, mahdollisimman pian, olenko minä täi niin kuin kaikki muutkin vai olenko ihminen? Uskallanko minä ylittää rajan vai enkö uskalla! Uskallanko kumartua ja ottaa vallan vai en? Olenko vapiseva **luontokappale** vai onko minulla oikeus. (Достоевский Ф.М. Преступление и наказание, пер. Ю. Конкка.)

Как в (91), так и в (92), слово *тварь* было переведено словом *luontokappale*, которое употребляется, как правило, по отношению к животным, но иногда и к людям (NS 1957). Данный вариант перевода зафиксирован в словаре и в данном случае переводчик использовал при переводе вариантное соответствие. Слово *luontokappale*, как мы уже указывали ранее, не является книжным, но придает тексту оттенок архаичности.

При подведении итогов анализа слова *тварь*, следует отметить, что в большинстве случаев переводчик использовал при переводе варианты соответствия, которые соответствуют оригиналу. В целом переводчики

использовали те возможности, которые им были предоставлены для достижения как можно более полноценного перевода.

Заключение

В настоящем исследовании был проведен анализ перевода русских старославянизмов на финский язык на примере трех произведений Ф. М. Достоевского. В работе обсуждались проблемы достижения адекватности перевода.

Задачей настоящего исследования было выявление средств, использованных переводчиками для перевода старославянизмов на финский язык. Для достижения этой цели был проведен анализ двенадцати старославянизмов, относящихся к религиозному контексту, которые в свою очередь, были разделены на три стилистические категории: 1. стилистически нейтральные старославянизмы, прочно вошедшие в русский язык (*воля, гнев, Господь, образ*); 2. старославянизмы высокого стиля, относящиеся к разным видам лексики письменной речи (*воистину, истина, старец*); 3. архаичная лексика и устаревшие слова, (*буди, буди; изрекать, инок, старец, тварь*).

В исследовании был проведен сопоставительный анализ слов с использованием параллельных текстов, в результате которого были определены стилистическая характеристика и прием перевода. При анализе приема перевода применялась теория Рецкера о закономерных соответствиях при переводе на родной язык, а при анализе стиля – концепция стилистических сдвигов Поповича.

В представленных таблицах (см. Приложение, табл. 3), указаны средства перевода старославянизмов на финский язык:

Следует отметить, что из стилистически нейтральных старославянизмов, только слово *Господь* имеет в финском языке полный эквивалент – *Herra*. Перевод этого слова осуществляется с использованием как эквивалента, так и вариантных соответствий. Слово *воля* имеет в финском языке частичный эквивалент *tahto*, перевод которого также осуществляется с использованием аналогов. Слова *гнев* и *образ* не имеют в языке перевода эквивалентов, но их перевод возможен при помощи вариантных соответствий и переводческих трансформаций (см. Приложение, табл. 3.1).

Слова *воистину* и *истина*, относящиеся к высокому стилю, имеют в языке перевода частичные эквиваленты: *воистину* – *totisesti*; *истина* – *totuus*. Переводчики также использовали при переводе слова *истина* вариантные соответствия, а при переводе *воистину* – вариантные соответствия и переводческие трансформации (см. Приложение, табл. 3.2).

Устаревшие слова, относящиеся к архаичной лексике, не имеют эквивалентов в языке перевода. Для перевода формы *буди*, *буди*, переводчик использовал дословный перевод, но архаичность он передать не сумел. Форма *есмь* имеет в языке перевода частичный эквивалент, но стилистически оригинал и перевод не совпадают. С другой стороны в Библейском контексте при переводе слова *есмь* используется слово *olen*, поэтому при переводе выражений из Евангелия, переводчик прибегнул уже к готовому каноническому переводу, то есть использовал прием стилистической субституции и достиг, как нам кажется, адекватности перевода. Слово *изрекать* не имеет прямого эквивалента в языке перевода, но имеет частичный эквивалент *lausua*. Слово *инок* также не имеет прямого эквивалента в финском языке, но переводится как правило словом *munkki*. Слово *старец* доставило переводчикам немало трудностей. Для достижения полноценности перевода были использованы описательный перевод, варианты соответствия и переводческие трансформации. Слово *тварь* не имеет в языке перевода полного эквивалента, но переводится как *luontokappale* и *olento*.

Переводчики (очевидно несознательно) прибегали к приемам перевода, описанных в теории о закономерных соответствиях Рецкера. Сформулированная вначале исследования гипотеза, согласно которой эквиваленты русских старославянизмов встречаются в финском языке не всегда, и поэтому в некоторых случаях их перевод осуществляется с использованием стилистических тонкостей и путем компенсации оправдалась только частично. Переводчики действительно производили компенсации, но очень часто не обращали внимания на архаичность лексики и нейтрализовывали текст, что приводило к стилистическому ослаблению или даже к стилистической утрате.

Переводчики использовали в процессе перевода как варианты, находящиеся в словарях так и свои собственные варианты перевода слова, что подчеркивает несовершенство двуязычных словарей и подталкивает на использование других источников, которыми в настоящее время являются параллельные корпуса. Следует также отметить и то, что проведение анализа такого масштаба не было бы возможным без использования параллельного корпуса русских художественных текстов и их переводов «ПарРус».

В заключение хотелось бы добавить, что отсутствие эквивалента или переводного соответствия в языке перевода совсем не означает, что перевод не будет или не сможет соответствовать оригиналу. Настоящее исследование показало, что адекватность перевода по отношению ко всему тексту была достигнута.

Muinaiskirkkoslaavilaisen sanaston suomentaminen (Dostojevskin tuotannossa)

Tässä pro gradu -työssä korpuksen tietoja hyödynnetään kontrastiivisessa tutkimuksessa, jossa analysoidaan venäläisen muinaiskirkkoslaavin sanaston suomenkielisiä käännösvastineita.

Tutkimuksen keskeisenä tavoitteena on selvittää, mitä keinoja kääntäjät ovat käyttäneet muinaiskirkkoslaavilaisen sanaston suomentamisessa. Muinaiskirkkoslaavilaiset sanat valittiin Feodor Dostojevskin kolmesta romaanista: Kirjoituksia kellarista, Rikos ja rangaistus ja Karamazovin veljekset. Kiinnostukseni kohteena on Dostojevski, koska häntä sanotaan uskonnolliseksi kirjailijaksi ja hänen kielensä on rikasta, sillä siinä sekoittuvat erilaiset tyylilajit. Dostojevskin kieltä on tutkittu paljon. Viimeisimpiä julkaisuja aiheesta ovat mm. ”Слово Достоевского” (’Dostojevkin kielenkäyttö’ 2000) ja ”Словарь языка Достоевского” (’Dostojevskin kielen sanakirja’ 2001).

Muinaiskirkkoslaavilaisen sanaston suomentamista ei ole tietääkseni tähän mennessä tutkittu. Sen vuoksi pidän tätä tutkimusta mielenkiintoisena ja haastavana.

Vuonna 1999 Tampereen yliopiston käännöstieteen laitoksella alettiin kerätä venäläis-suomalaisista kaunokirjallisuuden rinnakkaiskorpusta ParRus. Tällä hetkellä korpuksessa on 128 venäläistä kaunokirjallista teosta ja 137 kyseisten teosten suomennosta. Rinnakkaiskorpus loi uusia mahdollisuuksia kaunokirjallisten tekstien tutkimiselle ja analysoimiselle. Rinnakkaiskorpusta voidaan käyttää lisälähteenä sanakirjan rinnalla.

Työssä analysoidaan 12 sanaa, jotka jaetaan kolmeen ryhmään tyylin mukaan: 1. tyyllisesti neutraalit sanat, joita venäläinen ei enää pidä vieraina (воля ’tahto’, гнев ’viha’, Господь ’Herra’, образ ’ikoni’); 2. ylätyyliset sanat, joita esiintyy eri tyyllilajeissa (воистину ’totisesti’, истина ’totuus’, старец ’vanhus’); ja 3. arkaistiset, vanhentuneet sanat (буди ’niin tapahtukoon’, изрекать ’lausua’, инок ’munkki’, старец ’ohjaajavanhus’, тварь ’elävä olento’). Käännöskeinojen selventämiseksi käytetään Reckerin (1974) säännönmukaisten vastineiden teoriaa ja tyylianalyysissä Popovitšin (1980) tyyllisten siirtymien järjestelmää. Analyysissa selvitetään: 1. sanan funktiota; 2. sanan rekisteriä; 3. sanan emotionaalista sävyä; 4. sanan tyyliä; 5. sanakirjojen antamia vastineita; 6. kääntäjän käännöstä; 7. käännöskeinoa; 8. tyyllistä siirtymää. Analyysin jälkeen jokaisen sanan kohdalla tehdään kommentteja.

Pro gradu –työ koostuu johdannosta, kahdesta luvusta, johtopäätöksestä, kirjallisuusluettelosta ja liitteistä. Ensimmäisessä luvussa käsitellään adekvaattista käännoä ja tyyllisiä normeja. Luvussa tuodaan esiin ja vertaillaan venäläisten käännoätieteilijöiden näkökulmia **adekvaattisuudesta** sekä kerrotaan tarkemmin Reckerin säännönmukaisten vastineiden teoriasta, joka aikoinaan teki läpimurron käännoätieteen tutkimuksessa. Teorian mukaan sanoja voidaan kääntää säännönmukaisten vastineiden avulla, jotka jakautuvat vakinaisiin vastineisiin, vaihtoehtoiseen vastineisiin ja adekvaattisiin korvikkeisiin. Samassa luvussa käsitellään kääntämistä ja tyyliä, koska tyyli on yksi avainkäsitteistä kääntämisen analyysissä, joka tässä tapauksessa tehdään sanan tasolla. Suuri huomio tutkimuksessa kohdistuu tyylioppiin mikrotasolla ja Popovitšin tyyllisten siirtymien järjestelmään. Toisessa luvussa käsitellään lyhyesti muinaiskirkkoslaavilaista sanastoa, mikä on tärkeää määriteltäessä kyseistä käsitettä ja selvittäessä sen asemaa nykyvenäjässä. Toinen luku sisältää kahdentoista muinaiskirkkoslaavin sanan analyysin. Johtopäätöksissä tehdään yhteenveto työn tuloksista. Liitteissä on taulukkoja, joissa on esitetty romaanien sanaesiintymien määrä ja analyysin yksityiskohtaisemmat tulokset.

Työn hypoteesi on se, että muinaiskirkkoslaavin sanastolle löytyy harvoin kohdekielisiä vakinaisia vastineita, minkä vuoksi suomentamisessa käytetään hyväksi useampia tyyllisiä variantteja ja kompensointia.

Tutkielman keskeiset kysymykset

1. Adekvaattisuus ja säännönmukaisten vastineiden teoria

Moni venäläinen tutkija (esimerkiksi A. Smirnov, A. Fedorov ja V. Vinogradov) on pohtinut sitä, mitä on adekvaattinen käännoä, mitä se sisältää ja miten käsite voidaan määritellä. Fedorovin mukaan adekvaattisuus on lähtötekstin tyhjentävää merkityksen, funktion ja tyylin välittämistä kohdekielelle. Fedorov käyttää adekvaattisuus käsitteen synonyymina käsitettä 'polnocennost' (täysiarvoisuus). Hänen mukaansa tärkeintä on se, miten sana tai tekstin osa välittyy kohdekieleeseen suhteessa koko tekstiin. Siksi täysiarvoinen käännoä sisältää tietynlaisen tasapainon kokonaisuuden ja osioiden välillä, mikä tarkoittaa sitä, että sanallinen vastaavuus ei ole aina tarpeenmukainen. Kirjallisuuden kääntämisessä täysiarvoisuus tarkoittaa esteettisen funktion välittämistä.

G. Gatšetšiladze kritisoi Fedorovin adekvaattisuuden määritelmää, koska tämä ei puhu mitään luovuuden merkityksestä käännoäprosessissa, vaan pitää ”sanoja” liian suuressa arvossa. Gatšetšiladzen mukaan Fedorovin adekvaattisuuden määritelmä on epätarkka ja jopa abstrakti.

Vinogradov ei taas pidä siitä, miten Gatšetšiladze suhtautuu ”sanaan”. Vinogradovin mielestä sana on tärkein kielen yksikkö ja siihen pitäisi suhtautua

kunnioituksella. Hänen mukaansa käänнос ei voi ikinä korvata lähtötekstiä, koska sillä on oma luojansa ja käännökselfä omansa. Tästä seuraa, että käänнос voi olla ”mahdollisimman hyvä” (adekvaatti, täysiarvoinen).

Venäläinen tutkija Recker on kehitellyt teorian, joka antaa käsityksen siitä, mitä leksikaalisia, fraseologisia, syntaktisia ja tyylillisiä muutoksia käännettäessä tapahtuu. Teorian nimeksi tuli ”säännönmukaisten vastineiden teoria”, joka teki aikoinaan läpimurron käänностutkimuksessa. Teorian mukaan vastineet voidaan jakaa kolmeen pääryhmään: vakinaiset vastineet (ekvivalentit), vaihtoehtoiset vastineet ja adekvaatit korvikkeet (käännoskeinot).

Vakinaiset vastineet ovat sellaisia kielen yksiköitä, jotka toimivat toistensa käännosvastineina säännöllisesti kontekstista riippumatta. Ekvivalentteja on vaikea löytää, mutta siitä huolimatta vakinaisia vastineita ovat mm.:

1.) erisnimet ja maantieteelliset nimet: Aabraham – Авраам, Englanti – Англия.

2.) tieteelliset ja tekniset termit: oikeudenkäynti – судопроизводство.

3.) viikonpäivät, kuukaudet ja lukusanat: maanantai – понедельник; heinäkuu – июль; neljäkymmentä – сорок.

Kaikki sanat, jotka kuuluvat yllämainittuihin ryhmiin, eivät kuitenkaan aina ole absoluuttisia ekvivalentteja. Usein sanat saavat osittaisen vastineen, mikä tarkoittaa sitä, että lähdekielen sanalle on kohdekielessä olemassa useita semanttisia vastineita. Esimerkiksi venäjän kielen sana *дом* voidaan kääntää sanalla *talo*, mutta vain merkityksessä rakennus. Sanalla *дом* on olemassa muitakin merkityksiä, kuten ’koti’ ja ’hallitsijasuku’.

On sellaisiakin tapauksia, jolloin lähdekielen sanalla ei ole edes osittaista vastinetta kohdekielessä. Niihin kuuluvat mm. erisnimet, maantieteelliset nimet, laitosten ja sanomalehtien nimet.

Kun kohdekielessä on olemassa lähdekielen sanalle useita käännosvastineita, puhutaan vaihtoehtoisista vastineista. Esimerkiksi venäjän kielen sana *квартира* ’asunto’ voidaan kääntää eri tavalla riippuen kontekstista: ’asunto’ / ’ihmiskasunto’ / ’huoneisto’ jne.

Käännosksen adekvaattisuuden saavuttamisen ehtona on erilaisten korvaavuuksien tekeminen. Tällöin käytetään adekvaatteja korvikkeita (käännoskeinoja). Tavallisimpia adekvaatteja korvikkeita ovat 1) paikanvaihdot, 2) korvaavuudet, 3) lisäykset ja 4) poisjätöt.

Paikanvaihdolla tarkoitetaan sanojen ja sanaliittojen paikan muutosta lauserakenteessa. Tyypillisenä voidaan pitää seuraavaa esimerkkiä: *Он благополучно избежал встречи с своею хозяйкой на лестнице / Hän vältti onnellisesti emäntänsä tapaamisen portaissa.* (F. M. Dotojevskij. Rikos ja rangaistus, suom. J. Konkka). Tässä voidaan huomata, että venäjän kielessä adverbi tulee ennen verbiä, kun taas suomessa adverbi tulee verbin jälkeen.

Vaihdokset ovat laaja-alaisin ja monimuotoisin adekvaattien korvikkeiden laji. Vaihdokset jaetaan 1) sanaluokan vaihdoksiin, 2) lauseenjäsenten vaihdoksiin, 3) syntaktisiin vaihdoksiin yhdyslauseessa, 4) sanastollisiin muutoksiin (korvaaminen alakäsitteellä, korvaaminen yläkäsitteellä, syy- ja seuraussuhteen vaihdos), 5) korvaamiseen antonyymillä ja 6) kompensointiin.

Sanaluokan vaihdoksella tarkoitetaan sitä, että tarvittaessa sanaluokka voidaan vaihtaa toiseen sanaluokkaan: *Том уже входил в комнаты. / Raskolnikov oli jo menossa huoneisiin.* (F. M. Dostojevskij. Rikos ja rangaistus, suom. J. Konkka). Tämä on esimerkki persoonapronominin korvaamisesta substantiivilla.

Lauseenjäsenten vaihdokset tehdään yleensä tyyllillisistä syistä eikä niinkään kieliopillisista syistä.

Esimerkkinä syntaktisesta vaihdoksesta yhdyslauseessa voidaan pitää seuraavaa lausetta: *Часом помедля пришел – не приняли, в третий пришел – допустили. / Tunnin kuluttua menin toisen kerran – minua ei otettu vastaan. Mutta kun menin kolmannen kerran, hän otti puheilleen.* (F. M. Dostojevskij. Rikos ja rangaistus, suom. J. Konkka).

Sanastollisiin muutoksiin kuuluu: korvaaminen alakäsitteellä, korvaaminen yläkäsitteellä, syy- ja seuraussuhteen vaihdos.

Alakäsitteellä korvaamisella tarkoitetaan sitä, että asia ilmaistaan tarkemmin kuin lähtökielessä. Käännettäessä venäjän kielelle tarkennetaan yleensä liikeverbejä: *tulla* ja *mennä* – 'приходить' 'tulla', 'прибывать', 'приезжать', 'подходить', 'подбегать', 'приплывать', 'прилетать' jne. sekä *mennä* – 'идти', 'ехать', 'проходить' jne.

Yläkäsitteellä korvaaminen on alakäsitteellä korvaamiseen nähden päinvastainen ilmiö. Tässä käytetään yleistämistä: *Девка в больнице бы померла.../ Se nainen olisi kuollut sairaalassakin...* (F. M. Dostojevskij. Kirjoituksia kellarista. suom. E. Adrian).

Syy- ja seuraussuhteen vaihdos tarkoittaa sitä, että lähtökielen sana tai sanaliitto voidaan korvata kohdekielen sanalla tai sanaliitolla, joka selittää loogisesti tapahtuman tai tilan syyn: *I don't blame them. / Ymmärrän heitä.* (Barhudarov 1975: 214.)

Antonyymillä korvaamisella tarkoitetaan myönteisen sanan tai lauseen korvaamista kielteisellä tai päinvastoin: *He оспариваем! Не оспариваем! / Selvä on! Selvä on!* (F. M. Dostojevskij. Kirjoituksia kellarista, suom. E. Adrian).

Kompensointia käytetään silloin kun lähtötekstin yksiköillä ei ole vastineita kohdekieleessä eikä niitä voida välittää lähtökielen keinoin. Sellaisissa tapauksissa kääntäjä välittää tiedon muilla keinoilla, eikä välttämättä tekstin samassa kohdassa. Kompensointia käytetään usein silloin, kun pitää välittää lähtökielen kielellisiä ominaisuuksia, kuten murretta tai virheellistä puhetapa: *Я так и знал, что она вороваль! / Tiedä minä se, hän varasta!* (F. M. Dostojevskij. Rikos ja rangaistus. suom. J. Konkka).

Tarvittaessa kääntäjä joutuu tekemään joitakin lisäyksiä mm. yhdyssanoihin: *аселура* – 'удовстоверение на право ношения оружия' 'lupa aseiden kantamiseen'; *өлжумаат* – 'страны – производительницы нефти' 'öljyä tuottavat maat.

Poisjätö on lisäyksen vastakohta. Kääntämättä jätetään sellaisia sanoja, jotka ovat ns. ylimääräisiä, mikä tarkoittaa sitä, että tekstissä niitä ei välttämättä tarvita: *Не то чтоб он был так труслив и забит, совсем даже напротив, но с некоторого времени он был в раздражительном и напряженном*

состоянии похожем на упохондрю. / Eipä silti että hän olisi ollut kovin arka ja ahdistunut, täysin päinvastoin, mutta joitakin aikoja hän oli ollut raskasmielisyyden kaltaisessa tilassa. (F. M. Dostojevskij. Rikos ja rangaistus, suom. J. Konkka).

Tyylilliset siirtymät

Tyyli on avainkäsite käänösanalyysissä. Sanat voidaan tyylin mukaan luokitella esimerkiksi neutraalisanoihin, yleiskielen sanoihin, kirjakielen sanoihin, poeettisiin sanoihin ja terminologisiin sanoihin. Sanat voivat kuulua mm. seuraaviin rekistereihin: tuttavallinen, epämuodollinen, neutraali, muodollinen ja ylätyylinen. Suurin osa venäjän kielen sanoista kuuluu neutraalirekisteriin.

On olemassa ns. tyylillisiä vastineita, ekvivalentteja, ja kääntäjän tehtävänä on etsiä kohdekielestä lähdekielen tyylillisiä vastineita. Käänösprosessissa tapahtuu muutoksia, ja siksi on vaikeaa välttää ”menetyksiä”, joten tyylilliset siirtymät tulisi ottaa huomioon ja turvautua niihin.

Tyylillinen siirtymä on todiste siitä, ettei kaikkea lähtökieleen sisältyvää voi välittää kohdekieleen. Se osoittaa myös kääntäjän pyrkineen adekvaattisuuteen ja tehneen siksi joitakin muutoksia. Tyylillisiä siirtymiä ovat:

1. Tyylillinen vastine. Kääntäjä onnistuu löytämään kohdekielestä sellaisia vastineita, jotka täysin vastaavat lähtökielen vastinetta.

2. Tyylillinen substituutio. Kääntäjä muuttaa tyylillisiä seikkoja, korvaa vaikeasti käännettäviä vastineita, idiomeja, sananlaskuja, sananparsia ja muita vakiintuneita ilmaisuja kohdekielen vakiintuneilla ilmaisuilla.

3. Tyyliarvon voimistuminen. Kääntäjä tarkoituksella korostaa tyylillisiä kohtia, jolloin teksti saa uuden esteettisen funktion.

4. Tyylillinen tyypittely. Kääntäjä muuttaa henkilön puhetyyliä käyttämällä apuna esimerkiksi slangia tai murretta, jota pidetään tietyssä ympäristössä luontevana.

5. Tyylillinen yksilöllistäminen. Kääntäjä muuttaa runon säkeistöjen paikkoja, rytmiä jne. Tällaista keinoa käytetään yleensä runojen kääntämisen yhteydessä tai lasten kirjallisuutta käännettäessä.

6. Tyylillinen heikentäminen. Kääntäjä ei välitä ilmeikkäitä tyylillisiä vivahteita, vaan vaihtaa ne neutraalimpiin.

7. Tyylillinen poispyyhkiminen. Kääntäjä jättää välittämättä lähtötekstille ominaisia piirteitä.

8. Tyylillinen menettäminen. Kääntäjän on mahdotonta välittää lähdekielelle ominaisia piirteitä, kuten venäjän määreitä ja deminutiivijohtimia, koska kohdekieleessä ei ole vastineita.

2. Käännösvastineiden etsiminen muinaiskirkkoslaavilaiselle sanastolle kaunokirjallisuuden suomennoksista.

Muinaiskirkkoslaavilainen sanasto

Muinaiskirkkoslaavin sanat on jossain historian vaiheessa lainattu muinaiskirkkoslaavista venäjään. Sanat luokitellaan alkuperänsä mukaan kolmeen ryhmään. Ensimmäiseen ryhmään kuuluvat ne yhteiset slaavilaiset sanat, jotka ovat venäjän kielessä olemassa toisessa muodossa: *берег – берег* 'ranta', *глад – голод* 'nälkä'. Toinen ryhmä käsittää spesifistä muinaiskirkkoslaavilaista sanastoa: *истина* (ven. правда) 'totuus'; *агнец* (ven. ягненок) 'karitsa'. Samaan ryhmään kuuluvat mm. muinaiskirkkosanaston sananmuodostuksen käännöslainoja kreikan kielestä: *бездна* 'kuilu', *совесть* 'omatunto'.

Kolmanteen ryhmään kuuluvat semanttiset muinaiskirkkoslaavin sanat, jotka saivat muinaiskirkkoslaavissa erityismerkityksiä ja jotka myöhemmin kulkeutuivat muinaisvenäjään: *Бог* 'Jumala' – vrt. ven. *богатый* 'rikas', *Господь* 'Herra' – vrt. ven. *господствовать* 'hallita'.

Nykyajan teksteissä käytettävät muinaiskirkkoslaavin sanat voidaan jakaa kolmeen ryhmään nykyaikaisuuden ja tyylin mukaan:

a) yleiskielen sanat, jotka ovat vakiintuneet venäjään kirkkoslaavilaisessa asussa ja ovat neutraaleja: *время* 'aika', *художник* 'taiteilija', *здравствуй* 'terve'.

b) useissa tekstilajeissa käytettävät kirjakielen sanat: *собеседование* 'haastattelu', *достоверный* 'luotettava'.

c) arkaistiset eli vanhentuneet sanat, joita käytettiin runsaasti 1700-1800 luvun runoudessa: *глас* 'ääni'.

Muinaiskirkkoslaavilaisen sanaston suomennosten analyysi

Analysoitavana on 12 sanaa, jotka jaettiin tyylin mukaan kolmeen ryhmään: 1. tyyllisesti neutraalit sanat, joita venäläinen ei enää pidä vieraina (*воля*, *гнев*, *Господь*, *образ*); 2. ylätyyliset sanat, jotka kuuluvat erilaisiin kirjakielen tyyllilajeihin (*воистину*, *истина*, *старец*) ja 3. arkaistiset ja vanhentuneet sanat (*буди*, *изрекать*, *инок*, *старец*, *тварь*). Sanat analysoitiin seuraavien kriteereiden mukaisesti: 1. sanan funktio; 2. sanan rekisteri; 3. sanan emotionaalinen sävy; 4. sanan tyyli; 5. sanakirjan vastine; 6. kääntäjän käännös; 7. käännöskeino ja 8. tyyllinen siirtymä.

1. Tyylillisesti neutraalit sanat

Воля

Sana *воля* on monimerkityksinen. Sanakirjan mukaan sanan vastineita ovat: 'tahto', 'vapaus', 'valta', 'vapautus', 'vapaaehtoisesti'. Työssä analysoidaan 12 esimerkkiä, joissa kyseinen sana esiintyy. Sanaa käännetään käyttäen osittaista ekvivalenttia 'tahto' sekä vaihtoehtoisia vastineita 'halu' ja 'vapaus'. Käännettäessä käytetään mm. adekvaatteja korvikkeita (käännöskeinoja).

Гнев

Sana on yksiselitteinen ja neutraali. Sanakirja antaa seuraavat vastineet: 'viha', 'suuttumus', 'kiukku'. Analyysin kohteena on viisi esimerkkiä sanan käytöstä. Suomen kielessä on olemassa vastineita sanalle *гнев*, joten mitään vaikeuksia sanan suomennoksissa ei ollut. Se käännetään vaihtoehtoisten vastineiden ('viha', 'suuttumus', 'kiukku', 'äkäisyys') ja adekvaattien korvikkeiden avulla kontekstista riippuen.

Господь

Suomen kielessä on olemassa vakinainen vastine, ekvivalentti, sanalle *Господь* – 'Herra'. Analysoitavana on 11 esimerkkiä. Kääntäjät käyttävät käännettäessä sekä ekvivalenttia että vaihtoehtoisia vastineita 'Jumala', 'Luoja' jne. Joissakin tapauksissa sanoja käännetään adekvaateilla korvikkeilla.

Образ

Sana käännetään monella eri tavalla käyttäen vaihtoehtoisia vastineita, kuten 'ikoni', 'kuva', 'jumalankuva' ja 'pyhäinkuva' sekä adekvaatteja korvikkeita. Analysoitavana on kuusi esimerkkiä. Muutamissa kohdissa sana *образок* 'ikoniriipus' tuottaa vaikeuksia kääntämisessä deminutiivijohtimen takia.

2. Ylätyyliset sanat

Воистину

Sana *воистину* kuuluu ylätyyliin ja sanakirjan mukaan sen vastineena on 'totisesti', joka on Raamatun kieleen kuuluva sana. Tässä tapauksessa löytyy osittainen vastine eli osittainen ekvivalentti. Kääntäjät käyttävät sitä, mutta myös vaihtoehtoisia vastineita, kuten 'toden totta' ja 'todellakin'. Kuudessa analysoitavassa esimerkissä käytetään mm. adekvaatteja korvikkeita.

Истина

Sanan vastineita sanakirjan mukaan ovat 1. 'totuus'; 2. fil. 'totuus'. 3. totuus, 'tosiasia'. Tässäkin tapauksessa voidaan puhua osittaisen vastineen löytämisestä. Neljässä analysoitavassa esimerkissä sana käännetään käyttäen sitä ja myös adekvaatteja korvikkeita.

3. Arkaistiset ja vanhentuneet sanat

Буди, буди

Tämä sanaliitto on vanhentunut eikä sitä enää käytetä nykyvenäjässä. Kaikissa viidessä esimerkissä sanaliitto käännetään sanoilla 'niin tapahtukoon, niin tapahtukoon', jotka välittävät merkityksen, mutta eivät tyylillistä aspektia.

Есмь

Sanamuoto on verbin *быть* 'olla' muoto, joka oli jo Dostojevskin aikana vanhentunut. Analysoitavana on neljä esimerkkiä, joista kaksi on sitaatteja Raamatusta. Kahdessa muussa esimerkissä muoto käännetään muodolla 'olen', joka välittää sisällön, muttei arkaistista tyyliä.

Изречать

Sanan vastineita kielessä ovat 'lausua', 'sanoa' ja 'julistaa'. Sana käännetään kontekstin mukaan eri tavalla: vaihtoehtoisten vastineiden avulla ('sanoa', 'lausua', 'ilmaista') sekä adekvaattien korvikkeiden avulla mm. (*jaella*).

Инок

Инок on ortodoksimunkki. Kaikissa tapauksissa sana käännetään sanalla 'munkki'. Joissakin tapauksissa sana korvataan kontekstista riippuen. 'Munkki' on neutraali sana, kun taas *инок* on ylätyylinen, joten tätä tyyllillistä seikkaa ei välitetty.

Старец

Sanalla on kaksi merkitystä: 'iäkäs ja kunnioitettu ihminen' sekä 'ohjaajavanhus luostarissa'. Kääntäjät käyttävät sanan toisessa merkityksessä sanatarkkaa tai deskriptiivistä käännöstä: 'luostarinvanhin', 'vanhus' ja 'luostarinvanhus' sekä adekvaattia korviketta, korvaamista alakäsitteellä, ('oppi-isä'). Ensimmäisessä merkityksessä sana suomennetaan 'vanhus' ja 'ukko'. Kohdekielessä sanalla on vastine 'ohjaajavanhus', jota käytetään myös Suomessa ortodoksisen kirkon piirissä. Kääntäjät eivät sitä kuitenkaan käytä. Tyyllillisesti sanat eivät vastaa toisiaan.

Тварь

Sanalla *тварь* on kaksi merkitystä sekä venäjän että suomen kielessä: 1. 'elävä olento'; 2. 'elukka'. Tässä työssä tarkastellaan esimerkkejä, joissa sanaa käytetään merkityksessä "elävä olento". Sanakirja antaa seuraavat vastineet: 'luontokappale', 'olento', 'olio' ja 'luomakunta'. Sana käännettiin vaihtoehtoisten vastineiden avulla: 'luotu olento' ja 'luontokappale'. Tyyllillisesti sanat eivät vastaa toisiaan.

Johtopäätökset

Kyseisessä tutkimuksessa analysoitiin venäläisen muinaiskirkkoslaavilaisen sanaston suomentamista Dostojevskin teoksissa. Työssä käsiteltiin adekvaattisuuteen ja tyyliin liittyviä kysymyksiä.

Työn päämääränä oli käännöskeinojen selvittäminen muinaiskirkkoslaavin sanojen suomentamisessa. Tutkimuksessa analysoitiin 12 sanaa, jotka kuuluvat eri tyyllilajeihin: 1. tyyllillisesti neutraalit sanat, joita venäläinen ei enää pidä vieraina (воля, гнев, Господь, образ); 2. ylätyyliset sanat, jotka kuuluvat erilaisiin kirjakielen tyyllilajeihin (старец); ja 3. arkaistiset ja vanhentuneet sanat (буди, изрекать, инок, старец, тварь). Sanat analysoitiin seuraavien kriteereiden mukaisesti: 1. sanan funktio; 2. sanan rekisteri; 3. sanan emotionaalinen sävy; 4. sanan tyyli; 5. sanakirjan vastine; 6. kääntäjän käännös; 7. käännöskeino ja 8. tyyllinen siirtymä. Tärkeimpinä näistä kahdeksasta pidettiin kahta viimeistä (7 ja 8).

Analyysissä käytettiin Reckerin säännömukaisten vastineiden teoriaa ja tyylianalyysissä Popovičin tyyllisten siirtymien järjestelmää. Ensimmäisen ryhmän sanoista ainoastaan sanalla *Господь* on suomen kielessä vakinainen vastine *Herra*. Sanalla *воля* on osittainen vastine *tahto*. Muut ryhmän sanat käännettiin käyttäen vaihtoehtoisia vastineita. Toisen ryhmän sanoilla *воистину*, *истина* on kohdekielessä osittaisia vastineita *totisesti*, *totuus*. Kolmannen ryhmän sanoille ei kohdekielessä löytynyt vakinaisia vastineita. Sanat käännettiin vaihtoehtoisten vastineiden ja adekvaattien korvikkeiden sekä deskriptiivisen käännöksen avulla.

Kääntäjien ratkaisuja voidaan tarkastella säännömukaisten vastineiden teorian kautta. Työn hypoteesi oli se, että muinaiskirkkoslaavin sanastolle löytyy harvoin kohdekielisiä vakinaisia vastineita, minkä vuoksi suomentamisessa käytetään hyväksi tyyllisiä seikkoja ja kompensointia. Tämä hypoteesi osoittautui vain osittain paikkansa pitäväksi. Hyvin usein kääntäjät jättivät eivät ole ottaneet huomioon arkaistisia sanoja, minkä takia tekstistä on tullut neutraali. Sen sijaan hypoteesini siitä, että muinaiskirkkoslaavin sanastolle ei aina löydy vakinaista vastinetta, piti paikkaansa.

Käännettäessä käytettiin sekä sanakirjoissa olevia käännösvastineita että omia, mikä osoittaa sanakirjojen puutteellisuuden. Tämän vuoksi sanakirjan lisäksi olisi hyvä käyttää rinnakkaiskorpusta, joka antaa sellaisiakin vastineita, joita sanakirjoissa ei ole.

Vakinaisen vastineen puuttuminen ei tarkoita sitä, että kääntäminen on mahdotonta. Tarkasteltaessa käännöstekstiä kokonaisuutena, voidaan todeta, että adekvaattisuus on saavutettu. Kääntäjät eivät käänne sanoja vaan tekstikokonaisuuksia.

Taulukko sanojen käännöskeinoista

Käännöskeinot käännettäessä tyylillisesti neutraaleja sanoja

		vakinaiset vastineet	osittaiset vastineet	tyylilliset vastineet	vaihtoehtoiset vastineet	Huom! Adekvaatteja korvikkeita ei voi esittää ilman kontekstia.
<i>воля</i>			tahto		halu, vapaus	
<i>гнев</i>					viha, suuttumus, kiukku	
<i>Господь</i>		Herra	Jumala, Luoja			
<i>образ</i>					ikoni, pyhäinkuva	

Käännöskeinot käännettäessä ylätyylisiä sanoja, jotka kuuluvat erilaisiin kirjakielen tyylilajeihin

		vakinaiset vastineet	osittaiset vastineet	tyylilliset vastineet	vaihtoehtoiset vastineet	Adekvaatteja korvikkeita ei voi esittää ilman kontekstia.
<i>воистину</i>			totisesti			
<i>истина</i>			totuus			

Käännöskeinot käännettäessä arkaistisia ja vanhentuneita sanoja

	дословный перевод	vakinaiset vastineet	osittaiset vastineet	tyylilliset vastineet	vaihtoehtoiset vastineet	Adekvaatteja korvikkeita ei voi esittää ilman kontekstia.
<i>буди, буди</i>	niin tapahtukoon					
<i>есмь</i>	olen					
<i>изрекать</i>					sanoa, lausu, ilmaista	
<i>инок</i>			munkki			
<i>старец</i>	luostarinvanhin				vanhus	
<i>тварь</i>					luotu olento, luontokappale	

Используемая литература

- Бархударов, Л. 1975: *Язык и перевод*. Москва: «Международные отношения».
- Бахтин, М. 1979: *Проблемы поэтики Достоевского*. Издание четвертое. Москва: «Советская Россия».
- Библия* 1994. Москва: Российское Библейское Общество.
- Виноградов, В. 1978: *Лексические вопросы перевода художественной прозы*. Издательство Московского университета.
- Гаччиладзе, Г. 1980: *Художественный перевод и литературные взаимосвязи*. Издание второе. Москва: Советский писатель.
- Дудников, А. 1990: *Современный русский язык*. Москва: «Высшая школа».
- Касаткина, Т. 1999: *Книга для ученика и учителя*. Ф. Достоевский: Преступление и наказание. Москва: Аст. Олимп.
- Михайлов, М. 2003: *Параллельные корпуса художественных текстов*. (Acta Universitatis Tampereensis 956). University of Tampere.
- Попович, А. 1980: *Проблемы художественного перевода* (перевод со словацкого). Москва: «Высшая школа».
- Рецкер, Я. 1974: *Теория перевода и переводческая практика*. Москва: «Международные отношения».
- Розенталь, Д. 1976: *Современный русский язык*. Издание второе, исправленное. Москва: «Высшая школа».
- Слово Достоевского* 2000: ред. Караулов, Ю. и Гинзбург, Е. Москва «Азбукословник».
- Смирнов, А. 1934: *Перевод*. Литературная энциклопедия, т. 8.
- Федоров, А. 1983: *Основы общей теории перевода*. Издание четвертое. Москва: «Высшая школа».
- Шанский Н. и Иванов, В. 1981: *Современный русский язык*. Москва: «Просвещение».
- Черняховская, Л. 1976: *Перевод и смысловая структура*. Москва: «Международные отношения».
- Ryhä Raamattu* 1986. Pieksämäki: Suomen kirkon sisälähetysseura.

Словари:

- Большой толковый словарь русского языка 2002: гл. редактор Кузнецов С. Санкт-Петербург «Норинт».
- Новый большой русско-финский словарь* 2000: ред. Куусинен М. Издание второе. Москва: «Русский язык».
- Новый финско-русский словарь* 2001: ред. Коппалева Ю. Санкт-Петербург: «М.Г.В»
- Полный церковно-славянский словарь* 1899: сост. Дьяченко Г. Москва. Типография Вильде.

- Словарь языка Достоевского* 2001: ред. Караулов, Ю. Выпуск первый. Москва «Азбукословник».
- Финско-русский и русско-финский словарь религиозной лексики* 1999: Авцинов В. RT-Print Oy Pieksämäki.
- Nykysuomen sanakirja* 1957. Toinen painos. Porvoo: WSOY.
- Ortodoksinen sanasto* 1999: Arkkimandriitta Arseni. Helsinki: Otava.
- Suomen kielen perussanakirja* 1990: päätoim. Risto Haarala. Helsinki: Valtion painatuskeskus.

Интернет:

- Азбука Христианства: <http://azbuka-hrist.narod.ru/s/starchestvo.html> (17.6.2003)
- Миньяр-Белоручев, Р. 1999: Толковый словарь переводческих терминов. <http://dk.chita.ru/rv/articles/translterms.html> (6.5.2003)
- Справочная служба русского языка:
<http://gramota.ru/buro.html?gotoq=76047> (5.8.2003)
- LogosMedia Oy: <http://www.logosmedia.fi/sanastokristinusko.html> (17.6.2003)

Список сокращений:

- БТС – Большой толковый словарь
СРЛ – Финско-русский и русско-финский словарь религиозной лексики
VSS – Русско-финский словарь
SVS – Финско-русский словарь
NS – Nykysuomen sanakirja
PS – Suomen perussanakirja
OS – Ortodoksinen sanasto

Приложения

1. Абсолютная и относительная частота старославянизмов

Старо-славянизмы	<i>Записки из подполья</i>		<i>Преступление и наказание</i>		<i>Братья Карамазовы</i>	
	абсолютная частота	частота на 1000 словоупотреблений	абсолютная частота	частота на 1000 словоупотреблений	абсолютная частота	частота на 1000 словоупотреблений
<i>Буди, буди</i>	0		0		5	0,017
<i>Воистину</i>	0		0		37	0,1261
<i>Воля</i>	15	0,4293	21	0,1238	27	0,092
<i>Гнев</i>	0		7	0,0413	35	0,1193
<i>Господь</i>	0		2	0,0118	137	0,4668
<i>Есмь</i>	0		2	0,0118	10	0,0341
<i>Изрекать</i>	0		1	0,0059	16	0,0545
<i>Инок</i>	0		0		33	0,1124
<i>Истина</i>	4	0,1145	6	0,0354	31	0,1056
<i>Образ</i>	0		5	0,0295	29	0,0988
<i>Старец</i>	3	0,0859	4	0,0236	306	1,0427
<i>Тварь</i>	0		4	0,0236	4	0,0136

1.1. Сортировка по убывающей частоте в «Преступлении и наказании»

Старо-славянизмы	Записки из подполья абсолютная частота	Записки из подполья частота / 1000 словоупотреблений	Преступление и наказание абсолютная частота	Преступление и наказание частота на 1000 словоупотреблений	Братья Карамазовы абсолютная частота	Братья карамазовы частота на 1000 словоупотреблений
<i>Гнев</i>	0		7	0,0413	35	0,1193
<i>Истина</i>	4	0,1145	6	0,0354	31	0,1056
<i>Образ</i>	0		5	0,0295	29	0,0988
<i>Старец</i>	3	0,0859	4	0,0236	306	1,0427
<i>Тварь</i>	0		4	0,0236	4	0,0136
<i>Воля</i>	15	0,4293	21	0,1238	27	0,092
<i>Господь</i>	0		2	0,0118	137	0,4668
<i>Есмь</i>	0		2	0,0118	10	0,0341
<i>Изрекать</i>	0		1	0,0059	16	0,0545
<i>Буди, буди</i>	0		0		5	0,017
<i>Воистину</i>	0		0		37	0,1261
<i>Инок</i>	0		0		33	0,1124

1.2. Сортировка по убывающей частоте в «Братьях Карамазовых»

Старо-славянизмы	Записки из подполья абсолютная частота	Записки из подполья частота / 1000 словоупотреблений	Преступление и наказание абсолютная частота	Преступление и наказание частота на 1000 словоупотреблений	Братья карамазовы абсолютная частота	Братья карамазовы частота на 1000 словоупотреблений
<i>Старец</i>	3	0,0859	4	0,0236	306	1,0427
<i>Господь</i>	0		2	0,0118	137	0,4668
<i>Воистину</i>	0		0		37	0,1261
<i>Гнев</i>	0		7	0,0413	35	0,1193
<i>Инок</i>	0		0		33	0,1124
<i>Истина</i>	4	0,1145	6	0,0354	31	0,1056
<i>Образ</i>	0		5	0,0295	29	0,0988
<i>Воля</i>	15	0,4293	21	0,1238	27	0,092

<i>Изрекать</i>	0		1	0,0059	16	0,0545
<i>Есмь</i>	0		2	0,0118	10	0,0341
<i>Буди, буди</i>	0		0		5	0,017
<i>Тварь</i>	0		4	0,0236	4	0,0136

1.3. Сортировка по убывающей частоте в «Записках из подполья»

Старо-славянизмы	Записки из подполья абсолютная частота	Записки из подполья частота / 1000 словоупотреблений	Преступление и наказание абсолютная частота	Преступление и наказание частота на 1000 словоупотреблений	Братья карамазовы абсолютная частота	Братья карамазовы частота на 1000 словоупотреблений
<i>Воля</i>	15	0,4293	21	0,1238	27	0,092
<i>Истина</i>	4	0,1145	6	0,0354	31	0,1056
<i>Старец</i>	3	0,0859	4	0,0236	306	1,0427
<i>Буди, буди</i>	0		0		5	0,017
<i>Воистину</i>	0		0		37	0,1261
<i>Гнев</i>	0		7	0,0413	35	0,1193
<i>Господь</i>	0		2	0,0118	137	0,4668
<i>Есмь</i>	0		2	0,0118	10	0,0341
<i>Изрекать</i>	0		1	0,0059	16	0,0545
<i>Инок</i>	0		0		33	0,1124
<i>Образ</i>	0		5	0,0295	29	0,0988
<i>Тварь</i>	0		4	0,0236	4	0,0136

2. Наиболее частотные старославянизмы с учетом всех трех произведений Достоевского

Старославянизмы	<i>Записки из подполья</i>	<i>Преступление и наказание</i>	<i>Братья Карамазовы</i>	Всего: три текста
<i>Старец</i>	3	4	306	313
<i>Господь</i>	0	2	137	139
<i>Воля</i>	15	21	27	63
<i>Гнев</i>	0	7	35	42
<i>Истина</i>	4	6	31	41
<i>Воистину</i>	0	0	37	37
<i>Образ</i>	0	5	29	34
<i>Инок</i>	0	0	33	33
<i>Изрекать</i>	0	1	16	17
<i>Есмь</i>	0	2	10	12
<i>Тварь</i>	0	4	4	8
<i>Буди, буди</i>	0	0	5	5
	22	52	670	744

Средства перевода в группе стилистически нейтральных старославянизмов

		эквивалент	частичный эквивалент	стилистический эквивалент	вариантные соответствия	переводческие трансформации
<i>воля</i>			tahto		halu, vapaus	См прим. 21, 22, 29
<i>гнев</i>					viha, kiukku	См. прии. 31, 32
<i>Господь</i>		Herra	Jumala			
<i>образ</i>			ikoni			

Средства перевода старославянизмов высокого стиля, относящихся к разным видам лексики письменной речи

		эквивалент	частичный эквивалент	стилистический эквивалент	вариантные соответствия	переводческие трансформации
<i>воистину</i>			totisesti			См прим. 55, 56, 60
<i>истина</i>			totuus			

Средства перевода старославянизмов, относящихся к архаичной лексике

	дословный перевод	эквивалент	частичный эквивалент	стилистический эквивалент	вариантные соответствия	переводческие трансформации
<i>буди, буди</i>	niin tapahtukoon					
<i>есмь</i>			olen			
<i>изрекать</i>				lausua	julistaa, sanoa	См. прим. 71, 73, 75
<i>инок</i>			munkki			См. прим 79
<i>старец</i>	luostarinvanhin		vanhus			
<i>тварь</i>					luotu olento, luomakunta	